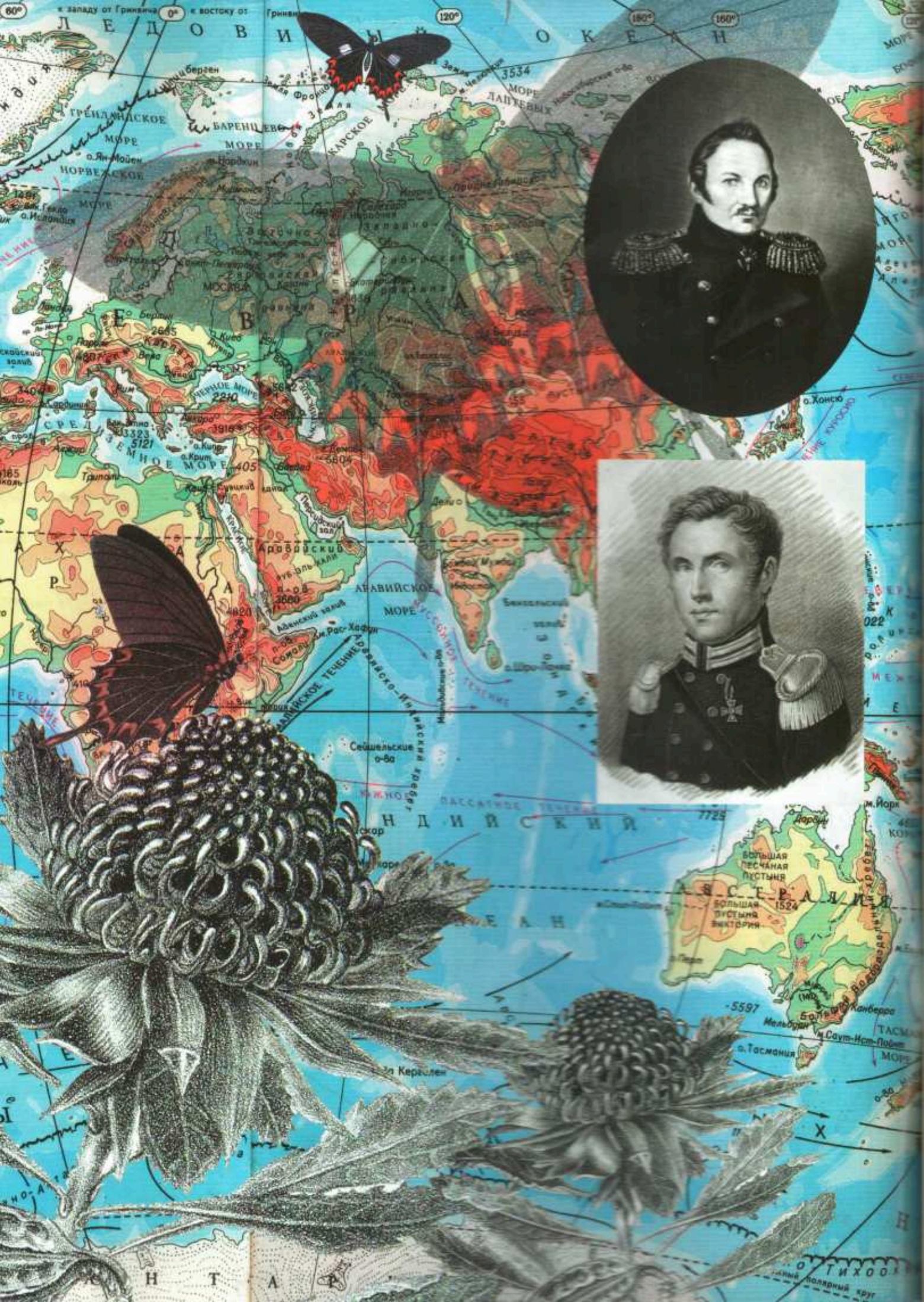

45

ИЗДАНИЕ
2007

Слава остаётся
с людьми...
(окончание)
стр. 2

«У него была
удивительная
жажда жизни!»
стр. 9

Про орла
стр. 12

«Пройти к югу далее,
нежели
было возможно
для Кука...»
стр. 17

Карлсон, который
живёт в России
стр. 20

Звезда из Виммербю
стр. 22

Что сказала бы
Астрид Линдгрен?
стр. 32

Мокрый цирк
стр. 34

Подбитая чайка
стр. 36

Капитан Кодебу,
сын драматурга
стр. 38

«Мелочи жизни»
стр. 41

Настырные
попрошайки
стр. 43

На полях мы размес-
тили короткие раз-
мышления и замеча-
ния Астрид Линдгрен.

О чём этот номер? Об очень многом...

Мы продолжим рассказ о человеке, чья жизнь оставила глубокий след в сердцах миллионов людей земли, чья деятельность улучшила здоровье детей России, хотя он не был врачом. О человеке, который имел сказочный дар общения и, наконец, был великим музыкантом — о Мстиславе Леопольдовиче Ростроповиче.

Мы начнём рассказ о человеке, чьи книги входят в наш детский мир, согревая, утешая, вселяя уверенность в собственных силах, веселя... я имею в виду Астрид Линдгрен. Кто из вас не смеялся над проделками Карлсона, не грустил с Биркой и Роньей, не вступал в сражение вместе с принцем Мио? Жизнь Астрид Линдгрен похожа на увлекательный роман, о ней вы прочтёте в этом и в следующем номерах.

Мы вновь пригласили в редакцию замечательного реставратора и великолепного рассказчика Владимира Сорина, и он поведаст вам историю реставрации российского герба на Петровских воротах Петропавловской крепости.

А ещё в журнале вы увидите письма ваших сверстников и наши статьи, посвящённые истории и сегодняшнему дню многонационального Петербурга.

Игорь Воеводский

Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского
Центр петербурговедения

У вас есть вопросы о людях и зданиях, памятниках и событиях,
дне вчерашнем и сегодняшнем.
ХОТИТЕ ЗНАТЬ больше о Петербурге — ПРИХОДИТЕ,
будем вместе искать ответы.

Центр открыт для вас: понедельник - пятница: с 11.00 до 20.00,
суббота с 11.00 до 17.00
Наш адрес: наб. Фонтанки, 44, 3-й этаж. Тел./факс: 310-36-58
e-mail: petroinf@pl.spb.ru

СЛАВА ОСТАЁТСЯ С ЛЮДЬМИ...

(продолжение; начало в № 4 за 2007 год)

**ЛЮДМИЛА
КОВНАЦКАЯ,**
профессор
Санкт-Петербургской
консерватории

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

Чем старше он становился, тем нестерпимее для него было обращение по имени отчеству – Мстислав Леопольдович. Он оставлял его для холодного общения, к которому не был склонен вообще. Он настаивал и даже требовал, чтобы к нему обращались только как к Славе и на «ты». Конечно, это касалось тех, к кому он чувствовал душевное расположение. И если человек не мог себя преодолеть, Ростропович «вводил санкции», применял радикальные меры, а именно: брудершафт с ритуальным поцелуем и последующей фамильярной репликой из специфического лексикона, от которой новоявленный друг холодел – но приходилось капитулировать: трижды повторенное своё обращение, и Слава успокаивался на достигнутом.

Вместе с тем, он явно не переносил фамильярности. А вот где пролегал тонкая грань между желанным дружелюбием-без-гранец и недопустимым панибратством, было делом каждого, и каждый должен был с этим справиться сам.

Ростропович был абсолютно доступен и открыт для общения. Он не любил пафосные речи и создавал к ним ироничный мимический подтекст. У любого существовал шанс с ним встретиться, поговорить и подружиться. Он был наделён всепокоряющей обаятельной общительностью. Он был гением общения.

Наверняка многие задумывались над тем, как получается ТАКОЕ?

Естественно, от Природы. Это Божий дар. Слава был гением

общения от Бога. Но тому, кто знал Ростроповича десятилетиями, ясно, что дар этот пришёл к нему и от веры, от христианского самовоспитания.

Ростропович был способен, как никто, войти в положение людей – притом в любой точке мира. Особенно в положение тех, кто пострадал от стихии, от военных действий, кто оказался в трудных житейских обстоятельствах. Композиторы-соотечественники, чьи имена знает весь мир, в самое сложное время своей жизни внезапно обнаруживали на пороге своего дома Славу как помощника, вестника благих перемен, ангела-хранителя. Конечно, он был невероятно щедрым. Но это не было щедростью богато-го по отношению к бедному. Коллеги понимали, что благосостояние он заработал своим трудом, который, по сути, был непосилен для любого другого. Его сострадание и помощь были его импульсивной потребностью разделить горе и трудности – со знакомыми и с незнакомыми. При этом слова, которые он произносил, не были ни пафосными, ни претенциозными, он, как всегда, был прост и лёгок в общении, и потому его помощь не была ни обременительной, ни навязчивой, ни унижающей. Многие из нас в трагические моменты жизни слышали его трогательные слова поддержки и чувствовали обескураживающую искренность, которая проникала в душу и растворялась в ней без остатка.

Мало кому известно, что после жуткой катастрофы в Самаре в 1999 году, когда сгорело местное отделение милиции вместе с находившимися там людьми, Ростропович, тогда находящийся в городе как дирижер оперной премьеры, каждой, решительно каждой пострадавшей семье незамедлительно оказал помощь.

Любой рассказ о случившемся где-то с кем-то делал его соучастником чьей-то судьбы, и его помощь, поспевавшая вовремя, окрыляла людей. Примеров тому – бесконечное множество.

В начале 60-х молодой профессор Ленинградской консерватории Ростропович случайно услышал о больном подростке-виолончелисте, который страдал от слабой подвижности ног. Ростропович тут же навестил юношу и вдруг увидел множество своих фотографий на стенах комнаты. Попросив поиграть ему на виолончели, Ростропович предложил заниматься с ним и занимался всякий раз, когда приезжал в Ленинград. Более того, видя тяжёлые условия жизни семьи, он предложил всей семье переехать к нему на дачу в подмосковную Жуковку. Туда, где вскоре (с осени 1969 года) обрёл своё убежище писатель-диссидент А.И. Солженицын, гонения властей против которого стремительно набирали силу.

Я помню конец 60-х и начало 70-х, когда все поступки попавшего в опалу Ростроповича и все санкции властей против него мгновенно становились известными и заставляли людей сопереживать ему и переживать за него как за человека, имевшего мужество противостоять и эффективно сопротивляться идеологическому террору государства. Он часто позволял себе то, что не мог себе позволить никто, и потому каждый видел в его поступках свой «плоток свободы» и свой жест протеста. В те годы, когда Ростроповичу иногда разрешалось выйти на сцену, его встречали громом несмолкающих аплодисментов, приветствуя на сей раз не только музыканта, но гражданина.

Так случилось в конце декабря 1970 года, когда праздновали 200-летний юбилей Бетховена. В «большом», как тогда говорили, правительственном концерте силами самых выдающихся советских артистов – Давида Ойстраха, Мстисла-

ва Ростроповича и Святослава Рихтера – должен был исполняться Тройной концерт Бетховена. Министерство культуры, конечно, запретило Ростроповичу выступать, но тут же было вынуждено капитулировать: ни у Рихтера, ни у Ойстраха не было времени репетировать и сыграть с другим партнером. И в общей признательности публики трём великим музыкантам Ростроповичу досталась шквальная овация стоя.

В 1974 году семья Ростроповича-Вишневецкой была вынуждена покинуть родину. За границей их ждала неизвестность, жизнь с самого начала, без жилья и контрактов. Но также ждали преданные друзья и поклонники их творчества. Зарубежная карьера Ростроповича в зените его славы беспредельно расширила его мир. Документальные фильмы запечатлели лица музыкантов со всего света, с благоговейным вниманием играющих с ним и под его дирижёрским руководством, видны также и лица замороженно слушающих. В США он с 1988 по 1994 годы прослужил главным дирижёром Вашингтонского симфонического оркестра; он также был главным и приглашённым дирижёром Лондонского, Берлинского, Бостонского оркестров. С ними он исполнил множество русской музыки. Добавим к этому всё, что он рассказывал музыкантам на репетициях, и тогда поймём: он открывал Западу мир русской культуры. Он сделал очень многих западных музыкантов и слушателей энтузиастами русской музыки, поклонниками Чайковского, Прокофьева, Шостаковича.

Он приобрёл на Западе массу новых друзей. Английское выражение «подружиться» как *to make friends* – применительно к Ростроповичу может быть переведено буквально: делать друзей. Способность Ростроповича делать окружающих своими преданными друзьями и быть им близким другом – поистине беспрецедентна. Легионы музыкантов и любителей музыки во всём мире рас-

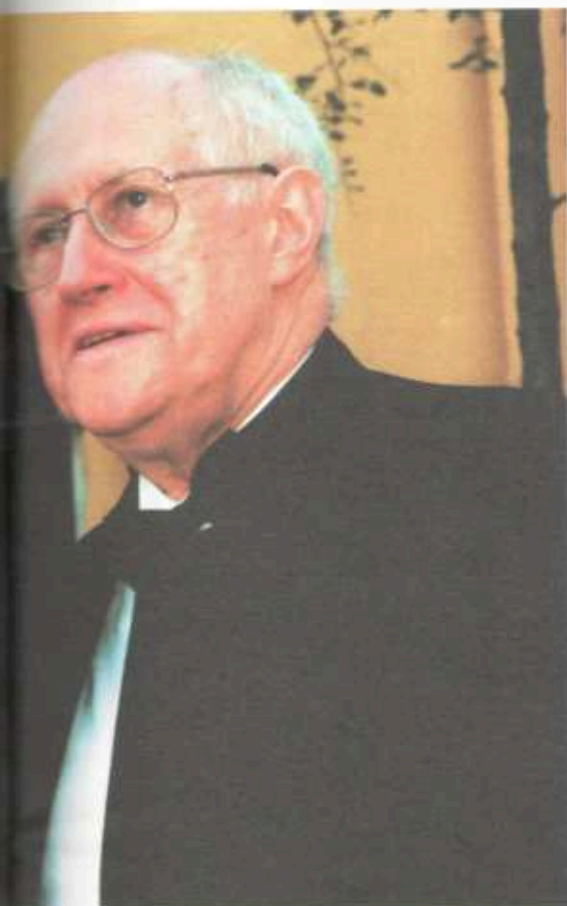
сказывают истории своих встреч с ним, обменов приветствиями, дружескими (а какими же ещё!)

репликами и подарками; рабочие, продавцы и таксисты, аптекари и врачи отмечали с ним завершение строительства, выздоровление близких и выборы президента России; среди его друзей – члены королевских фамилий и представители правящей мировой элиты. Он одарял людей своим вниманием и сам испытывал от этого огромную радость.

Конечно, в самой сильной мере это сказалось по возвращении в новую Россию в 1990 году. Его желание быть полезным родине, людям в России, казалось, разрывало его на части. Патриотизм этого Гражданина Мира имел идеальное выражение – идеологическое и практическое. Он перевозил из своих европейских домов в свой петербургский дом собранные им произведения русского искусства, он желал подарить это городу и России. Иногда

с раздражением и иронией рассказывал о бюрократических преградах, которые чинили ему

Ростропович был по-юношески импульсивен. Прочитав статью в газете, вызвавшую в нём мгновенный отклик и чувство солидарности, он тут же отыскивал телефон автора и звонил. Без промедления он позвонил кинорежиссёру Александру Сокурову, чьё опубликованное в газете интервью воспламенило его созвучием собственным мыслям. Отсюда родились их дружба и сотрудничество.

Не только старых приятелей, но и массу новых людей он не выпускал из поля своего зрения. Его дорогими гостями – среди многих – был проводник поезда, в котором он курсировал из Москвы в Питер и обратно (гостили всей многолетней семьёй, на-

таможенники. Не раз он преодолевал огромные расстояния, сидя в фургоне рядом с ящиками, наполненными произведениями искусства. Он вместе с Галиной Вишневской и с помощью своей архивистки и ассистента Ларисы Чирковой создал в нашем городе два композиторских музея – М.П. Мусоргского и Д.Д. Шостаковича: купил некогда принадлежавшие его любимым композиторам квартиры, реставрировал и обставил. Вместе с Вишневской сформировал стипендиальный фонд для детей и подростков-музыкантов. Он стал идеологом и организатором невиданных для частного лица по размаху проектов и программ оздоровления и лечения детей в России. Мысль, что он может ещё что-то сделать для России, приносила ему счастье, окрыляла его.

груженной при этом банками с вареньями, соленьями и прочими дарами природы), и королева Испании София.

езде), супруги из Куйбышева, не побоявшиеся приехать в Москву, чтобы проводить его в изгнание, и многие-многие

В Белом доме в ночь на 21 августа 1991 года

Отражением всего его образа жизни был социальный срез гостей на празднованиях знаменательных событий его жизни — «золотой свадьбы» с Галиной Вишневской, юбилеев. Президенты стран, члены королевских домов, оставшиеся в одиночестве жены и дети умерших композиторов, сотрудники его музыкальных школ (в Петербурге, Баку,

другие, чьи добрые поступки он никогда не забывал, и, наконец — вы помните спящего военного, защитника Белого дома в 1991 году, чей автомат Ростропович держал в руках? (фотография обошла весь мир) — он был непременным гостем семьи...

Ростропович обладал одним из самых ценных человеческих свойств, которое называют благо-

дарной памятью. Среди огромного множества сюжетов его жизни расскажу только об одном — об отношении к Шостаковичу. Рост-

Стремился быть ему поддержкой. Мчался туда, где был госпитализирован Шостакович, чтобы для врачей и персонала дать благо-

Возвращение в Россию. Аэропорт Шереметьево

ропович преклонялся перед Дмитрием Дмитриевичем. Кажется, он помнит до мельчайших деталей все эпизоды их разговоров, репетиций, исполнений. Он гордился тем, что был одним из самых любимых музыкантов-исполнителей Шостаковича. Страдал вместе с композитором и за него, помнил об унижениях, которым подвергался гений.

творительный концерт. В 1970 году он «пригнал» в Курган, где в знаменитой клинике доктора Г.А. Илизарова лечился Шостакович, целый оркестр, чтобы дать несколько концертов в пользу сотрудников больницы. В строительной каске, с ведром и совком в руках, он сфотографирован в момент закладки здания новой больницы.

Как жаль, что он не успел опубликовать письма Шостаковича к нему и к Вишневской! Что не прокомментировал их своими удивительными рассказами!..

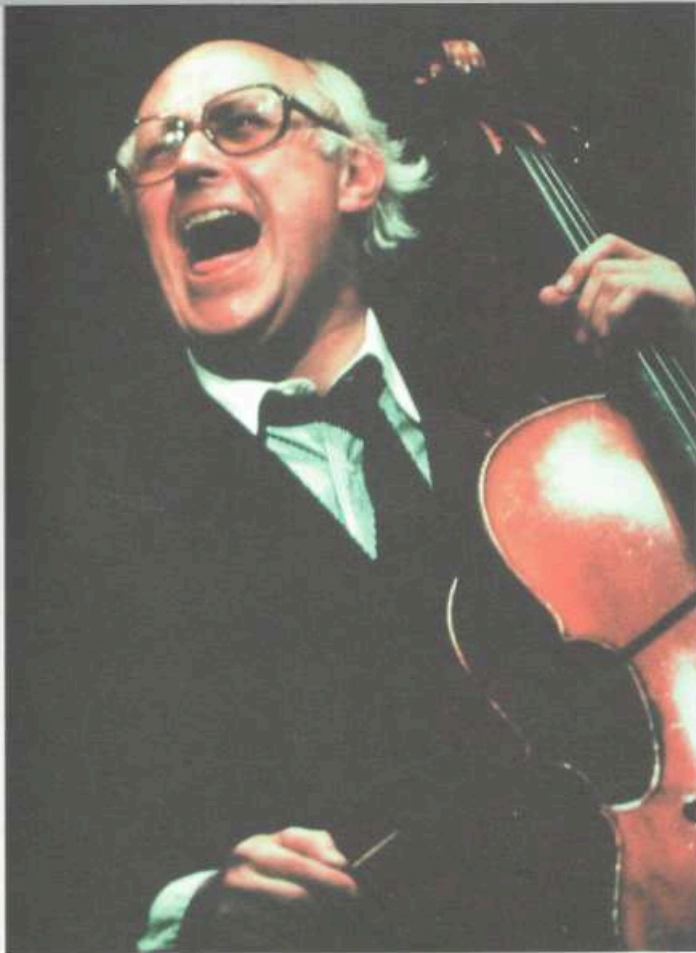
Он любил Шостаковича и его музыку самозабвенно. Знал каждую ноту почти всех его партитур. Его мечтой и последней волей было продирижировать Восьмой симфонией в день 100-летия композитора (25 сентября 2006 года). Силы его были на исходе. Исхудавший и бледный, он вышел к дирижёрскому пульту зала имени П. И. Чайковского. Но в ходе исполнения Скрипичного концерта (с Виктором Третьяковым) и Восьмой симфонии он обрёл силы и провёл концерт с таким пониманием и таким чутким толкованием этой гениальной музыки, какое невозможно выразить словами. Это было прощание, которого он хотел и без которого не позволил себе уйти.

Масштабы, которыми мыслил Ростропович, были огромны. Ему всегда было тесно находиться в неких рамках. Каждое новое дело не отменяло прежних, это не было сменой амплуа или рода занятий, но было стремящимся к безграничности расширением. Сначала он вышел за пределы виолончельного исполнительства и сел за рояль аккомпанировать Галине Вишневской (играл он изумительно, он оказался блестящий пианист!), потом встал перед оркестром за дирижёрский пульт. К этому добавим его ставшие историческими общественные, в том числе правозащитные акции. Перед глазами – фотографии: Ростропович, играющий И.-С. Баха у разрушенной берлинской стены; Ростропович во главе Вашингтонского симфонического оркестра на Красной площади... Он был не профессиональным, но был стихийным политиком. И музыка делала его воззрения убедительней слов. ЮНЕСКО отметило его вклад в мировую культуру и политику, присудив ему в 1997 году звание «Посла Доброй Воли». В 2003

году Ростроповичу вручили премию *Grammy*, но не за одну запись, а «За экстраординарный вклад в музыкальное искусство и гуманитарные заслуги всей жизни» – обладателями такой премии являются лишь несколько человек в мире.

И всё же ни одна награда не даст представления о размахе сделанного им и о его влиянии на политиков. В том признались, чествуя Музыканта, три президента США. Лишённому гражданства Ростроповичу с семьёй многие страны предлагали принять гражданство – такой гражданин повышал престиж государства. На праздновании его 80-летия, куда он, предельно ослабленный роковой болезнью, пришёл, чтобы сказать, как счастлив видеть своих дорогих гостей, о нём говорили официальные лица, первые лица страны. Их вид и манера речи преобразились, они стремились соответствовать сидящему перед ними Человеку. ТАКОГО Путина, взволнованного и сердечного, каким он предстал в тот вечер 27 марта 2007 года, мы вряд ли когда-нибудь увидим.

Ростроповича любили и почитали как гениального виолончелиста, великого музыканта, выдающегося просветителя, благородного мецената, как истинного патриота России и преданного людям гражданина мира, как верного друга. Любые определения, даже взятые вместе, не в состоянии охарактеризовать ту тяжёлую и великую миссию, которую он выполнял весело, с Божественной лёгкостью, будто ничего проще для него не существовало. Его посланием потомкам остались записи его исполнений классической и современной музыки. Вслушайтесь в голос его виолончели, доверьтесь ему и последуйте за ним, и вам откроется изумляюще богатый духовный мир, причастность к которому поможет выстоять в невзгодах, принесёт утешение и радость.

«У НЕГО БЫЛА УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖАЖДА ЖИЗНИ!..»

ЗОЯ БЕЛЯЕВА,

тележурналист

Проект реализован на средства
гранта Санкт-Петербурга

Стоит произнести фамилию – Ростропович – и лицо человека, знавшего его лично, озаряет улыбка. Музыковед и тележурналист Зоя Алексеевна Беляева рассказала нам о нескольких встречах с выдающимся музыкантом.

Я не была близким другом Мстислава Леопольдовича и Галины Павловны, но мне посчастливилось с ними работать.

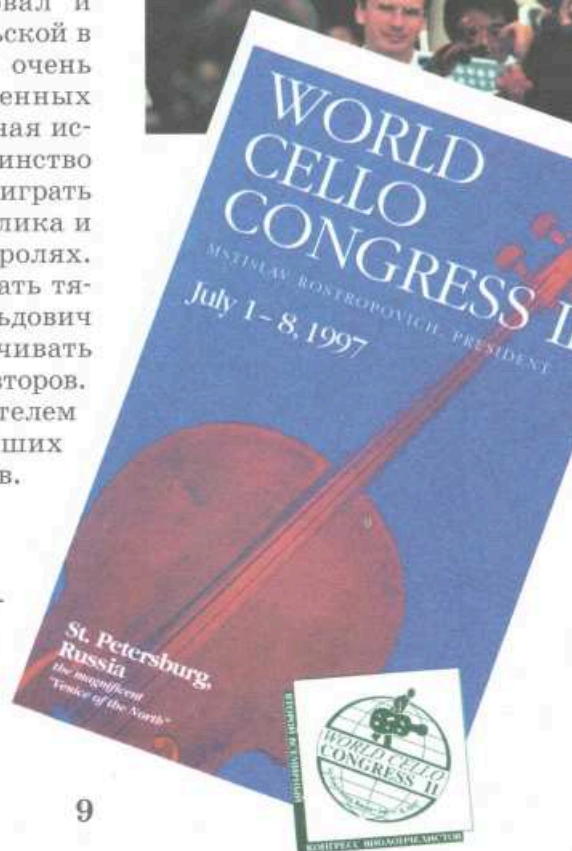
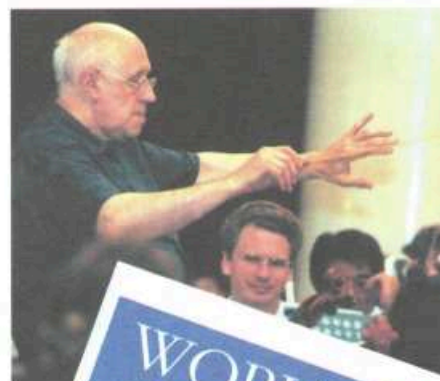
Ростропович был очень общительным человеком и никогда не отказывал в интервью, но после нападок в прессе дал себе слово: «Я никогда больше не буду давать интервью». А я делала фильм о Галине Устольской – любимой ученице Шостаковича – и позвонила Ростроповичу. Он начал отказываться, и я сказала: «Ну как же так! У нас её музыку практически не исполняют, о ней не вспоминают. И Вы отказываетесь...» И Мстислав Леопольдович согласился: «Хорошо, я буду». Он выделил время для интервью, хотя метался между городами и континентами. Мы приехали к нему в Москву, и он дал интервью – блестящие, потрясающие воспоминания об Устольской.

А потом в Швеции организовали фестиваль в честь юбилея Устольской, и благодаря Мстиславу Леопольдовичу нам разрешили снимать его бесплатно. И приняли нас замечательно, потому что

мы были рекомендованы Мстиславом Леопольдовичем. А ведь там были съёмочные бригады с «навороченной» техникой, а наша съёмочная группа даже жила не в гостинице, а в школе. Этого я никогда не забуду.

Ростропович организовал и первый фестиваль Устольской в Амстердаме. Он вообще очень много исполнял современных композиторов. Это отдельная история. Ведь сейчас большинство музыкантов предпочитает играть классику, на что идёт публика и что удобно играть на гастролях. Современную музыку играть тяжело! А Мстислав Леопольдович считал, что должен озвучивать партитуры современных авторов. Он стал первым исполнителем произведений многих наших современных композиторов.

Одно из ярких моих воспоминаний связано с первым приездом Ростроповича в Россию после поднятия «железного занавеса». Я, как все

журналисты, спешила узнать, когда он придет, на каком поезде... Мы с оператором Сергеем Дубровским приехали на вокзал к первому поезду из Москвы. Сергей залез с камерой на фонарь... И вот ОН приехал... Была уйма народа, было много милиции... Ростропович протягивал руки всем знакомым и незнакомым, со всеми здоровался. А вечером был концерт в Филармонии (Мстислав Леопольдович играл Первый концерт Шостаковича для виолончели с оркестром). Мы снимали. Потом брали интервью. Он говорил исключительно о том, как мечтал вернуться, о том, как скучал по друзьям в городе и в стране, говорил о консерватории, о музыке, обо всём – кроме того, что он обижен на прежнюю власть и что, наконец, «на коне» возвращается. Хотя были журналисты, особенно зарубежные, которые провоцировали его на такой поворот в разговоре. Но он не счёл нужным об этом говорить, хотя был человеком ранимым, как любой художник.

Потом был Конгресс виолончелистов в Петербурге. Права на его съёмку были куплены Американской телевизионной компанией, потому что Ростропович тогда

жил в Америке, возглавляя оркестр Филармонии в Вашингтоне. А у нас прав на съёмку не было. Только дали 3 минуты для «Новостей». У меня были все телефоны Ростроповича, даже парижские, и я до него дозвонилась. **ДО НЕГО МОЖНО БЫЛО ДОЗВОНИТЬСЯ!** Я сказала: «Как же так? Вы даёте концерт двухсот виолончелей. Состоится премьера произведения петербургского композитора Бориса Тищенко, а наше телевидение это не покажет?!» (кто ещё мог бы собрать 200 виолончелистов?! Надо же было найти под это деньги, договориться с двумястами музыкантами, у каждого из которых – свой график работы!).

Он отвечает: «Как – не разрешают снимать?! Кто не разрешает?! Ну, матушка моя...»

Я умоляю: «Как хотите, придумайте что-нибудь. Я приду, и мы будем стоять с камерой под дверью...»

Он дал мне телефон директора Конгресса виолончелистов – Хелен Бразил. И мы получили права на съёмку! Но с условием, что сделаем копию для Дирекции конгресса. В итоге наш фильм, как сказала Хелен Бразил, был намного живее и интереснее, чем американский. Хотя мы дрожа-

*На репетиции
концерта II-го
Всемирного конгресса
виолончелистов в
Большом зале
Санкт-Петербургской
филармонии*

ли, когда отсылали фильм, ведь у американцев великолепная техника, а мы в этом сильно отстаём. В общем, Мстислав Леопольдович сделал так, что у нас была «зелёная улица» — мы снимали всё, что хотели. Мы были с ним с утра до ночи, ходили за ним, как привязанные.

У него была чудовищная работоспособность! Все уставали. Столько дел: встретить 200 человек из разных концов света, провести репетиции, всех организовать, всё распределить. Все уставали — но не он. Он и руководил Конгрессом, и дирижировал концертами. Он первый приходил в зал и последний уходил.

Я однажды спросила Галину Павловну: «Как он выдерживает? Мы приезжаем в филармонию задолго до концерта, а он уже там. Мы уже уезжаем, а он всё ещё там?»

Она ответила: «Спит он четыре часа или пять. Утром встаёт и репетирует. Обязательно каждый день, иначе невозможно. И едет в филармонию, и приходит первым. Единственное тревожит — почти ничего не ест! Некогда!»

Потом, когда Конгресс закончился, я наблюдала такую сцену. Был приём в Мраморном зале Этнографического музея. И там Галина Павловна «поймала» мужа, подвела к столу и сказала: «Ну поешь, наконец! Отведи душу, отдохни!»

Он говорит: «Да, кстати как вспомнили. Да, надо поехать, давай сюда».

И все почтительно отошли. Ему дали стульчик, усадили за стол в уголке зала — а это ведь был фуршет, все вокруг ходили по залу с тарелками и бокалами... А он сел в уголок, ему принесли всего, что можно. Он опустошает одну тарелку, вторую, третью, ... пятую принесли...

Я говорю: «Сколько ж времени Вы не ели?» — «Я не помню ... я не помню...»

Колоссальная была работоспособность. Он всегда был в форме, всегда был весел. Каждому он должен был сказать доброе слово, каждого должен был обнять.

На этом Конгрессе была очень сложная мировая премьера концерта Тищенко для 48 виолончелей, 12 контрабасов и ударных. Это вообще очень сложное произведение — сложное и технически, и по исполнению, и по содержанию. И было очень мало репетиций. Я помню, как Тищенко на репетициях, когда возникали какие-то вопросы по части интерпретации, вскакивал и кричал: «Композитор ещё жив!» Он очень доверял Ростроповичу, а Ростропович очень ценил Тищенко. Мы наблюдали их полное взаимопонимание. Ростропович удивительно репетировал. Не тратил слов на пространственные объяснения. Замечания он делал очень чёткие, точные — то, что ценят музыканты. Я разговаривала потом с некоторыми из них, спрашивала, как они понимают его дирижёрские жесты?

«Всё это не важно, — говорили мне, — важно, какая личность перед нами, мы её чувствуем. Один будет скакать, махать руками, а другой просто бровь приподнимет... Чем дирижёр старше, тем он скупее на жесты».

Ростропович обладал особым магнетизмом. Это была мощная натура — мощная и как личность, и как интерпретатор, и как энциклопедист... Оркестр его просто обожал. Мы наблюдали это...

Мстислав Леопольдович любил людей, любил музыку, любил музыкантов, любил жизнь. Он так любил жизнь! У него была удивительная жажда жизни! Ему всё было интересно, как ребёнку! У него всё по секундам было расписано — он существовал в каком-то бешеном ритме. Я не понимаю, как можно справиться с этим молодому, здоровому человеку, а ведь он уже был не молод... Он так любил жизнь и так хотел всё успеть!

ПРО ОРЛА

ВЛАДИМИР СОРИН,
главный реставратор

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

Реставрация Российского герба с Петровских ворот — это сплошная череда приключений. Начнем с того, что после того, как мы его демонтировали, он два года пролежал у нас в мастерской, так как не было денег на реставрацию. Начальство хотело убрать оригинал в запасники и изготовить вместо него муляж, и нам пришлось доказывать дирекции, что этот уникальный памятник можно отреставрировать. После того, как нам, наконец, разрешили приступить к исследованиям, перед нами встали три важных вопроса:

Первый вопрос: как выглядел герб изначально? Ведь это — дедушка нынешнего герба. Первый имперский герб, лично Петром заказанный и одобренный им. Это очень важный памятник! Кроме того, это — памятник первой четверти XVIII века, а таких памятников у нас вообще напере-

чёт. Итак, как же он выглядел в эпоху Петра? Ведь к моменту нашего осмотра он был уже совершенно иным.

Со временем с герба было украдено всё, что можно было украсть. В 1917-м он был расстрелян из винтовок и лишён всех имперских регалий. По архивным документам, которые мы сами разыскивали, мы установили, как точно выглядели исчезнувшие корона, скипетр, кресты — и прочие детали, те, что были украдены, срублены, утрачены.

Второй вопрос, который предстояло решить: был герб изначально золочёный или крашеный. Все гербы с двуглавыми орлами, со времён Ивана III и до Петра I включительно были золочёными. А с 1726 года, через год после смерти Петра, после работы над гербом герольдмейстера Ф. Санти, они стали крашенными. Пётр I готовил указ о Гербе, но подписала его уже Екатерина I в 1726-м, после смерти императора. Нам было важно выяснить — был наш орёл последним золочёным

или первым крашеным гербом? Это выяснить было довольно сложно, потому что за прошедшие столетия герб многократно расчищали, возобновляли покраску, снова расчищали...

Мы взяли сорок три (!) пробы с разных частей орла и передали в объединение «Механобр», в лабораторию анализа следов драгоценных металлов. У них есть установка, позволяющая обнаружить мельчайшие следы этих металлов. Наконец нам выдали отчёт, из которого однозначно следовало, что изначально герб был золочёным, однако вскоре после создания он был покрашен.

Третий вопрос, на который надо было ответить: отчего же герб всё время приходил в состояние ветхости? У нас собрана серия старых дореволюционных фотографий, на которых видно, что чем дальше, тем больше одна головка клонилась долу, и крылышко свешивалось, и из корон выпадали детали...

В чём было дело? Это тоже удалось установить. Исток «болезни» герба был в том, что когда герб устанавливали на Петровские ворота, то устанавливали каждую деталь орла на отдельные, вбитые в стену анкера (металлические штыри). Вбить точно эти анкера тогда не смогли, поэтому при монтаже орла на воротах были вынуждены на эти анкера положить подкладки. Поскольку металлические анкера являются проводниками холода внутрь стены, то стена в этом месте трескалась, а анкера всё время меняли своё положение. Вместе с ними меняли своё положение и части герба, укрепленные каждая на своём анкере. От этого герб всё время искажался, и его многократно старались подправить. Но все попытки были бесполезны, потому что мастера подкладывали на анкера разные деревянные и металлические вкладышки, в результате деревянные подкладки гнили, а металлические медленно выскальзывали из-за образовавшегося льда и температурных расширений. Мы решили исправить эту «болезнь»,

сделав общий для всех деталей единый каркас — раму. Я вписал создание этого общего каркаса в методику реставрации.

И наконец, в ходе обследования выяснилось важное и довольно страшное обстоятельство. Оказалось, что качество литья было

ужасным. Оказалось, что свинец содержал очень много песка, а есть места, где песка больше, чем свинца. Это привело к фатальным трещинам. В маленькие трещинки попадала вода, замерзая, она разрывала свинец... Трещин было очень много, непонятно, как герб в таких условиях прожил 290 лет.

Далее. Каждая деталь герба, как я сказал, имела собственные, не связанные друг с другом элементы каркаса — разрозненные стержни: стальные кованые стержни, вставленные в форму ещё в начале XVIII века при отливке деталей герба, а затем залитые свинцом. И вот те выпуклые места в свинцовом литье, где находятся концы этих стержней (мы назвали их приливами) — они

«Лицо» и лапа после реставрации

Щит на груди

Стальная сетка-защита орла от голубей

Монтаж деталей герба на раму

«Лечение» аргоновой сваркой

все были разорванными. Отчего? В XVIII веке

про электрохимию ничего не знали. И не знали, что сталь со свинцом составляют электрохимическую пару. Происходила сильная электрохимическая коррозия стали. Ржавчина, занимая 17 объёмов того железа, из которого она произошла, распирает и разрывает эти приливы. Однако собственные каркасы петровского времени представляют собой немалую историческую ценность.

Здесь надо было решить: как сделать так, чтобы и собственные каркасы сохранить ввиду их исторической ценности, и как сделать, чтобы в дальнейшем герб не разрушался. Мы решили и эту двойную задачу, введя между свинцовыми и стальными элементами современные изолирующие материалы (предварительно «починив», конечно, сами приливы). Но самое главное — мы решили задачу, как сделать прочным вот такое непрочное литьё. Мы научились его упрочнять при помощи аргонно-дуговой сварки. Свинец не варят, а мы — варим! Теперь! В XXI веке! Каким образом?

Аргон позволяет делать сварку без окисления металла, но у свинца очень низкая температура плавления и маленькая теплоёмкость. А сварочная дуга — это 6 000 градусов и огромное количество выделяемого тепла. Поэтому все, кто пытался варить свинец (хоть с аргоном, хоть без аргона), зажигая дугу, тут же получали в свинце дырку. А мы так переделали наши сварочные аппараты, точнее — сделали к ним такие приставки — что они дают очень маленький ток, и дуга едва

тлеет. Но и этого достаточно, чтобы расплавить свинец, а дальше в дело идёт газ аргон, и сварка получается и чистая, и прочная. При этом в том месте, которое мы провариваем, мы долго можем держать расплавленную «ванну». Песок всплывает на поверхность свинца, и мы удаляем его. Так мы упрочнили те места в литье, где было очень много песка.

Это была «муравьиная» работа, потому что орёл по площади — это примерно 12 кв. метров. Ребята работали круглые сутки, день за днём. А свинец ведь очень вредный для человека материал, вернее, вредны его испарения. Поэтому работали в сварочных масках с автономным дыханием и очисткой воздуха, ибо поработать восемь часов на сварке свинца — это самоубийство. Ребята ходили как космонавты — в гермошлемах со шлангами. Это дало нам возможность работать долго и скрупулёзно, и все мы живы-здоровы. А ещё от нашего начальства мы получали порошки, которые, как считают их создатели, выводят свинец из организма.

Ещё несколько технологических ухищрений мы применили. О них не расскажешь в двух словах. Но важно, что к настоящему моменту оболочка свинцовых деталей герба абсолютно прочная. Собственные кованые каркасы сохранены и отреставрированы, а новый общий каркас из нержавеющей

Во время расчистки респиратором

шей стали обеспечивает единство и монолитность композиции на сотни лет. По нашим прогнозам, полтысячелетия памятник проживёт легко. А может и больше.

Но когда мы завершили укрепление литья, вдруг возникло новое обстоятельство. «ГИОПовское» начальство (ГИОП – Госинспекция по охране памятников) крепко подружилось с одной

итальянской фирмой со странным для реставрационной фирмы названием «Институт по внешней торговле Италии». (В начале реставрационных работ приходили какие-то итальянцы, хотели сделать из реставрации орла шоу.) Но узнав от нас, что Трезини, приложивший руку к строительству Петропавловской крепости, был швейцарец, а не итальянец, они испарились. Но потом приехали другие итальянцы, назвавшиеся реставраторами, и, по всей видимости, они ими и являлись.

И вот с подачи губернатора и ГИОПа итальянцы устроили «школу реставрации» прямо на памятнике архитектуры федерального значения – на «Петровских воротах». В «реестр» попал и наш бедный орёл. Поскольку я не каменщик, то не буду комментировать то, что они сделали с воротами и со стеной. Что же касается нашего орла, то с ним стали

происходить странные события. Сначала мне запретили делать раму, о которой я говорил, хотя чертёж её был утверждён, и она уже была изготовлена. Потом запретили орла золотить. И тут начались бои с людьми, по разговору с которыми я понял, что они мало сведущи в реставрации металла. Может быть, среди них есть специалисты по камню, но по металлу – точно нет. Итальянцы были против того, чтобы была рама, не хотели извлекать старые анкера, которые рушат стену. Они предлагали повесить орла так, как он и висел, на старых анкерах, мотивируя это лишь тем, что «так было». Я объясняю итальянским коллегам, что реставратор может делать «как было» только до тех пор, пока не вскрывается процесс, который уничтожает памятник. И тогда надо делать не «как было», а как надёжнее. Здесь у нас был именно такой случай.

Мне говорят: «Вы, Владимир Григорьевич, давно замечены в неуважении к нашим предками, не любите Вы наших предков».

Я отвечаю: «Мы собрались не о любви разговаривать, а о прочности, о трещинах, которые губят памятник, и о том, как сделать, чтобы он мог долго жить. Доводы я вам изложил, если кто-то возразит – будем обсуждать. А вопросы лирические обсудим в другой раз.... Увольняйте меня – но без рамы я орла вешать не буду!»

Экспертный совет ГИОПа однозначно решил, что без рамы герб висеть не будет, что раму надо делать. А итальянцы говорят: «Нет!» Вот и встал вопрос о любви к предкам...

После очень большой потери крови родилось «соломоново» решение: раму делать, но вешать... на старые ан-

Вот рама, которая спасла герб от искажений

Реставраторы Л. Какабадзе (слева) и А. Цанаев – лучшие из лучших

Реставратор Н. Бажанов – ум, опыт и глаз-алмаз

Готовая работа. Сейчас будет погрузка краном.

Крыло «прилетело» на монтаж

Крыло встало на своё место

керы. Я сказал: «Старые анкеры не выдержат. У меня есть фотографии – и старые, и современные – на которых видно, как стена вокруг анкеров разрушается». И когда дошло до дела, то есть до исследования анкеров, оказалось, что они погружены в стену всего на 15 сантиметров, что от них идут трещины по облицовке стены, и долго они герб не выдержат. Новое «соломоново» решение было таким: вешать герб на новые анкеры, но старые должны остаться.

Как я уже говорил, мы взяли сорок три пробы, чтобы установить границы золочения. Итальянцы тоже взяли пробы – но только три. И лишь в одной из них, как они написали, было найдено золото, а под ним, под чешуйкой якобы «золота», было найдено два слоя, содержащих пигменты и масла. Из этого они сделали вывод, что орёл был сначала покрашен, потом позолочен, а потом снова покрашен.

Может, у итальянцев это и не вызвало удивления, а у нас у всех вызвало. Такой «ход событий» никак не соответствовал историческим фактам. Кроме того, судить по одной пробе просто не корректно. Я затребовал результат работы их спектрографа. Они прислали, и стало ясно, что итальянцы нашли вовсе не золото. Спектрограф показал наличие в исследуемом месте сплава меди с цинком. Золото, как известно, не может состоять из цинка и меди! А больше спектрограф ничего не обнаружил! То, что он нашёл – это ремонтный материал, используемый при реставрации и называемый «поталь» – имитация позолоты. Это значит, что когда золото обветшало, его отреставрировали этой поталью. А обветшало – значит, на этом участке оно исчезло, значит, чтобы положить поталь, это место сначала прощпатлевали, а потом покрасили. Вот эти два слоя они и нашли... Но – на моё объяснительное письмо ответа я не получил.

ГИОП принял решение не золотить герб, а красить. Это решение мы признали правомерным:

поскольку с 1726 года орёл был крашеным, то, стало быть, он был крашеным большую часть своей жизни, значит, его можно не золотить, а красить.

Мы приготовились к покраске. Использовали самую лучшую в наших условиях краску. Это шведская краска ТОП, которую мы в своей работе использовали уже не раз. Первый объект, крашенный этим ТОпом – фигуры на фронте Пушкинского дома. Они до сих пор в хорошем состоянии.

Мы подготовились и даже прогрунтовали орла ТОпом, который включает в себя необходимые защитные вещества. И тут снова пришли итальянцы...

Я в это время был в отпуске, а когда приехал, то увидел, что с герба снят грунт, который мы положили, и что теперь герб будут восковывать (то есть покрывать воском)! Мы решали проблему – был герб золочённый или крашенный? Но то, что он не был воскованный – это точно! А сейчас он – воскованный! Воск в нашем климате держится полтора года (!), после этого начинает трескаться и осыпаться.

Перед отъездом итальянских реставраторов я спросил руководительницу группы: «Как долго, по-вашему, продержится это покрытие?» – «Ну, может быть – два года...» – «Не знаю, как в Италии, а в России реставрировать памятник раз в два года – неприлично. Да и дорого». В ответ я услышал: «Но ГИОП обязался делать это раз в два года».

Что ж, через два года орёл облезет и будет висеть облезлым, может, ещё лет тридцать, пока кто-то не даст денег на новую реставрацию, чтобы снова снять герб и, наконец, покрасить. Ну, а остальное всё прекрасно. Герб выглядит неплохо...

Мы все, конечно, опечалились. Но не слишком: мы всё-таки спасли памятник, сделали основное – он прочен и висит на раме. Всё остальное – через полтора-два года, через пять лет можно привести в порядок. Поэтому печаль не такая уж трагическая. Мы радуемся, что нам удалось сделать то, что мы сделали!

«...ПРОЙТИ К ЮГУ

ОЛЬГА ФЁДОРОВА
сотрудник Центральной
военно-морской
библиотеки

НЕЖЕЛИ ЧТО

«Я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем удалось мне»

(Джеймс Кук, 1774 год).

Эти слова великого английского мореплавателя опроверг российский путешественник – Фаддей Беллинсгаузен. Происходивший из древнего немецкого баронского рода, обосновавшегося в Эстляндии, Фабиан Готлиб Бенъямин родился в 1778 году в имении Гогенэйхен на острове Эзель (нынешняя Эстония). Он окончил Морской кадетский корпус в Кронштадте и в 1803-1806 годах принял участие в кругосветном плавании И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в качестве гидрографа, составителя карт и помощника астронома И.К. Горнера.

Беллинсгаузена, человека самолюбивого, назначение помощником астронома задевало, и они с ним ссорились по пустякам, но Горнер первым протягивал руку для примирения. Беллинсгаузен давал Горнеру уроки русского языка, а во время стоянки в Бразилии они вместе жили в крепости Санта-Крус. «Всё время стояла плохая погода, а их жильё – это амбар, пол земляной, вместо потолка – крыша, которая протекает от дождя, стена зелёная от сырости, а ночью всё кишит бесчисленными тараканами, чёрными

тараканами [*Blatta orientalis*], пауками и насекомыми». В плавании Беллинсгаузен также обучал геометрии юного кадета и будущего кругосветного мореплавателя Отто Коцебу.

Вернувшись из кругосветки, Беллинсгаузен служил на Балтике, а с 1810-х годов командовал десятью фрегатами на Чёрном море. Там он определил координаты главных пунктов кавказского побережья, установил широту и долготу восточного берега Чёрного моря. По его измерениям была составлена первая удовлетворительная карта черноморского побережья.

В июне 1819 года Беллинсгаузен возглавил новую кругосветную экспедицию. Для неё в Петербурге построили два парусных шлюпа – «Восток» и «Мирный». До назначения Беллинсгаузена всё снаряжение, закупку провизии, комплектование команды вёл лейтенант Михайл Петрович Лазарев (1788-1851). Для плавания отобрали моряков-добровольцев, что немало способствовало успеху плавания. Быстроходный «Восток» хорошо слушался руля, а «Мирный» лучше держался на волне. Но в техническом отношении оба корабля были слабее парусников Кука.

Чтобы приспособить деревянные шлюпы к борьбе со льдами, подводную часть обшили медью.

ДАЛЕЕ
ВОЗМОЖНО
ПЛЯ
КУКА...»

Фабий
Беллинсгаузен

Для отопления кают взяли дрова. Личный состав должен был тщательно соблюдать гигиену – проветривать и протапливать каюты, стирать бельё и одежду. На шлюпах были предусмотрены даже бани. На каждый из шлюпов взяли корабельную библиотечку с описаниями путешествий выдающихся мореплавателей, лоциями, атласами, морскими календарями, справочниками по геодезии, астрономии и навигации.

Помимо традиционной солонины и сухарей, на борт погрузили много кислой капусты для предупреждения цинги и прообраз нынешних «бульонных кубиков» – выпаренный и высушенный *бульон дощатый*. «Восток» командовал Беллинсгаузен, «Мирный» – Лазарев. Научно-исследовательская работа легла на плечи командиров шлюпов и их офицеров. В инструкции, составленной Г.А. Сарычевым, И.Ф. Крузенштерном и О.Е. Коцебу, читаем: «Командир приготавливаемой экспедиции должен пройти к югу далее нежели что было возможно для Кука, достигшего 71° 10' в южной широте».

Крузенштерн писал: «Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять у нас; она в продолжении краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам».

К Сандвичевой земле

4 июля «Восток» и «Мирный» покинули Кронштадт, а 2 ноября уже прибыли в Рио-де-Жанейро. Здесь на корабли погрузили баранов и свиней (несколько из них «померли от ушибов во время качки», а часть – заболела цин-

гой). В южном полушарии началось лето, погода была туманная, а температура воздуха по мере продвижения на юг неуклонно понижалась. 15 декабря «Восток» и «Мирный» подошли к островам Южная Георгия, открытым Куком, и занялись их описанием. 3 января 1820 года были открыты три новых острова, и в честь участников плавания их назвали островами Торсона, Завадовского и Лескова. Вся группа получила название «островов де Траверсе» – в честь морского министра России, французского маркиза Жана де Траверсе, того самого, из-за которого финский залив у Петергофа зовётся Маркизовой лужей.

Двигаясь на юг, Беллинсгаузен и Лазарев исследовали Сандвичеву землю, оказавшуюся не одним островом, как считал Кук, а архипелагом. Сохранив за островами названия, данные Куком, Беллинсгаузен отметил: «Капитан Кук первый увидел сии берега, и потому имена им данные, должны оставаться неизгладимы, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков». Плывя всё дальше на восток, Беллинсгаузен стремился к югу, но корабли встречали льды и поворачивали к северу, чтобы не попасть в ледовый плен.

«... виден материк льда»

16 и 21 января корабли подошли к сплошным льдам: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу» (сейчас это Берег принцессы Марты). 5-6 февраля 1820 года корабли ещё раз подошли вплотную к берегу Антарктиды и увидели землю: «Льды к зюйд-зюйд-весту примыкаются к льду гористому, твёрдо стоящему; закраины оно-го были перпендикулярны и образовывали заливы, а поверхность возвышалась отлого к югу,

на расстояние, пределов которого мы не могли видеть с салинга». Исключительная научная добросовестность не позволила Беллинсгаузену настаивать, что материк льда — это суша, а не ледяное поле, однако дата 16 января (по старому стилю) стала в русской морской истории днём открытия Антарктиды.

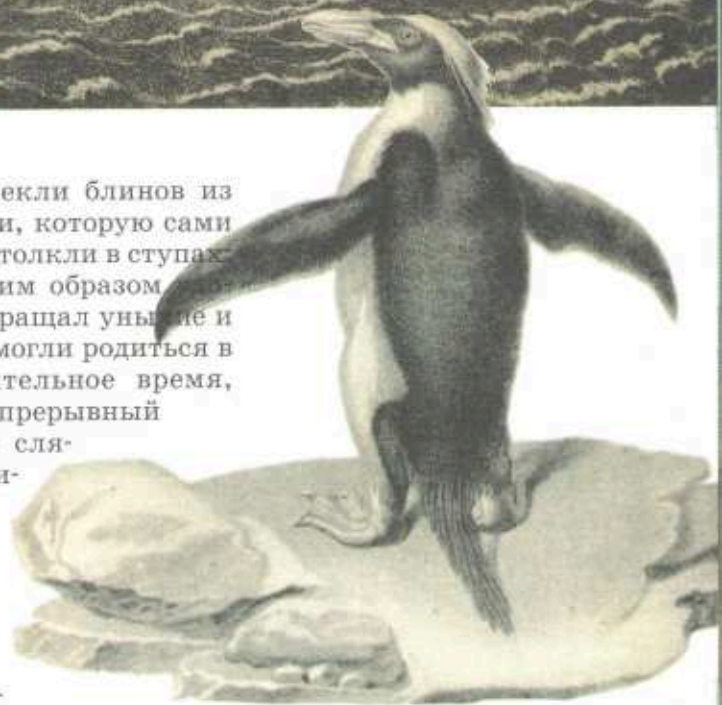
«Восток» и «Мирный» не разлучались среди льдов, в штормах и туманах, что было непросто, ведь из-за разной скорости кораблей «Мирный» должен был идти на всех парусах, а быстроходный «Восток» постоянно дожидался своего спутника. Для связи между кораблями на бизань-рею поднимали сигнальные флаги. Корпус «Востока», построенный из сырых брёвен, начал гнить, и приходилось постоянно укреплять и ремонтировать его, перегружая все тяжести в трюме и ставя дополнительные крепления. «Пазы при каждом наклонении с боку на бок чувствительно раздавались».

В безветренные дни офицеры одного корабля посещали другой, вместе обедали и обсуждали свои планы. На масленицу 1820 года

на камбузе напекли блинов из пшеничной муки, которую сами же матросы и натолкли в ступах. «Доставляя таким образом довольствие, я отвращал уныние и скуку, которые могли родиться в толь продолжительное время, когда льды, непрерывный снег, туманы и слякоть были нашими спутниками».

В плавании всё время вели астрономические наблюдения, записывали высоту приливов, количество и объёмы айсбергов, температуру и удельный вес морской воды. Прозрачность воды определяли с помощью обычной белой тарелки, прикреплённой к лоту, отмечая глубину, где тарелка скрывалась из виду. Светящихся морских животных ловили мешком, пропускавшим воду как сито. Зарисовки Южных Шетландских островов, сделанные художником Михайловым, использовали в английских логиях до середины XX века.

(продолжение следует)

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ В РОССИИ

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

В 1970-х годах в Ленинграде выпускалась одна из самых любимых кукол в нашей стране – кукла Карлсон. Технологически она была сложной, поэтому её выпускали ограниченное количество. Каждый раз, когда в Гостиный Двор привозили новую партию Карлсонов, выстраивалась очередь. И буквально в пять минут всё раскупали. Такой Карлсон был у моих племянников, у детей моих друзей, потом у моих детей... Мне посчастливилось быть знакомым с «папой» этой игрушки. Им был Лев Самсонович Разумовский. Конечно же, игрушки были только частью его творчества, но благодаря им Лев Самсонович познакомился с Астрид Линдгрен и побывал у неё в гостях. А потом в гостях у писательницы побывала его дочь. О посещении Астрид Линдгрен Мария Разумовская и жена Льва Самсоновича Елена Николаевна рассказывают нашим читателям.

Игорь Воеводский

Мария Разумовская: Это была моя первая заграничная поездка – в Финляндию и Швецию. Был 1988 год, я училась на четвёртом курсе Герценовского института. Папа тогда поручил мне передать в подарок Астрид Линдгрен медаль его работы – два гипсовых кружка диаметром примерно 10 см: её портрет на аверсе и весёлый Карлсон над крышами Стокгольма на реверсе. И дал её телефон.

Я нашла у себя в дневнике запись от 5 августа: «Пятница. Дозвонилась до Астрид Линдгрен!». Я сама себе не верила: что дозвонилась, что она сама сняла трубку, что я действительно разговариваю с самой Астрид Линдгрен! В довершение ко всему, выяснилось, что я чудом её застала, потому что она полчаса назад пришла домой, а до этого жила на даче. И сейчас уходит, а вечером надолго уезжает к сестре. Я её застала в те полчаса, что она была дома! И мы с ней договорились о встрече. При этом она извинилась(!), что не сможет уделить мне много времени.

Она встретила меня в светлом брючном костюме, очень элегантная, очень доброжелательная, с хорошим английским. Усадила

меня за стол, налила фруктовый сок, угостила грушами и яблоками. Я запомнила, что у неё было много книг, что на стенах висела хорошая шведская живопись. Висела работа Шагала в оригинале, кажется, офорт. Я передала ей медаль. Она папу вспомнила. И некоторое время, ну, может быть, полчаса мы проговорили, потом она на прощание достала с полки английскую книжку и подарила мне на память.

Елена Николаевна: А Лев Самсонович был у неё за 10 лет до этого. Привез ей куклу – Карлсона. Его двоюродный брат Олави, который живёт в Стокгольме, по своим каналам узнал её телефон и устроил эту встречу. И сам пошел, конечно – все шведы относятся к Астрид Линдгрен с огромным пиететом.

Она предложила им чашечку кофе и что-нибудь выпить. Назвала несколько вин, которые мы знали тогда только по литературе. Лев Самсонович, с его чувством юмора, сразу сказал: «Обычно в это время дня я пью исключительно шерри-бренди» (видимо, вспомнил Мандельштама – в реальной жизни никакого

Лев Самсонович со своими героями

Елена Николаевна с Карлсоном

Foto: ULF BERGLUND
Astrid Lindgren läser högt ur en sovjetisk upplaga av "Pippi Långstrump" för två sovjetiska "Karlson på skat"-dockor. Den vänstra en revolutionär Karlson med ilande rött hår.

Фотография из Стокгольмской газеты

шерри-бренди он никогда не пробова). И она вынесла шерри-бренди с какими-то печеньицами. Лев Самсонович рассказывал, что она держалась очень свободно, очень непринуждённо.

Мария: Папа знал английский весьма приблизительно, но совершенно этого не стеснялся, и лепил ошибки, и всё равно говорил, а если его не понимали, он брал ручку и рисовал, так что проблем вообще не было.

Игорь Воеводский: Как Астрид восприняла папиного Карлсона?

Елена Николаевна: Лев Самсонович вспоминал, что у неё оказалось очень много изображений Карлсона – живописных, скульптурных, в графике и, конечно, игрушек. Так что он даже немного растерялся со своей куклой. Но кукла ей понравилась, и, судя по газетной фотографии с двумя «советскими» Карлсонами на руках, даже очень понравилась. Лев Самсонович попросил разрешения сделать медаль с её изображением...

Мария: Она сначала подумала, что он хочет делать медаль массо-

вым тиражом на продажу, и была против. Но папа объяснил, что по велению души хочет сделать авторскую работу в одном экземпляре, и она разрешила.

Игорь Воеводский: Медаль ей понравилась?

Мария: Сказала, что понравилась.

Елена Николаевна: Астрид Линдгрэн произвела на Льва Самсоновича впечатление очень умного человека, очень глубокого, духовного и, главное, равнодушного к страданиям всего мира.

Медаль работы Л.С. Разумовского

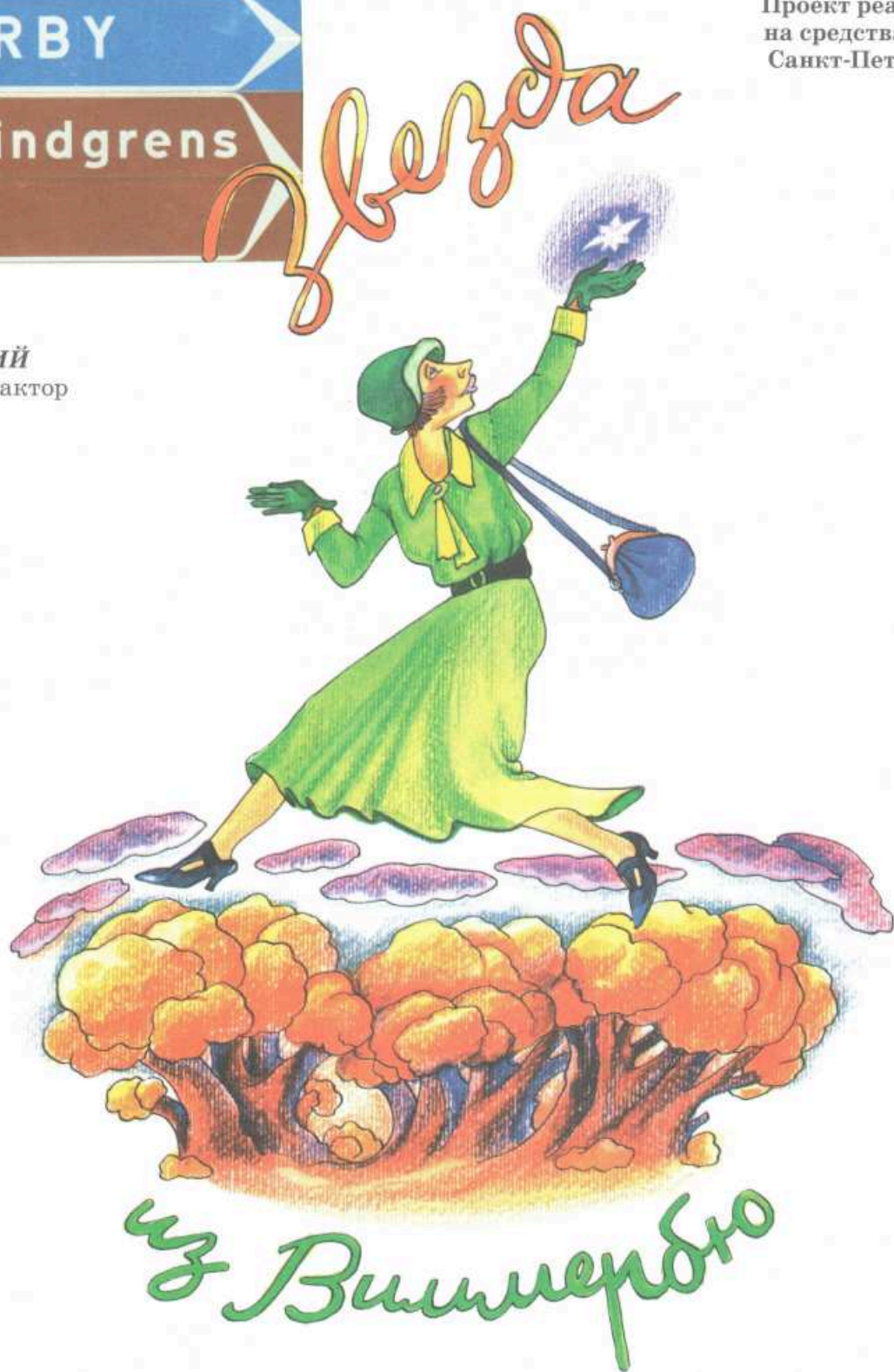
RUMSKULLA

VIMMERBY

Astrid Lindgrens
värld

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

ИГОРЬ
ВОЕВОДСКИЙ
Главный редактор

Приходилось ли тебе, читатель, проходить осенним вечером по улице Уппландсгатан мимо парка Тегнера? Да-да, не днём, когда парк заполнен мамашами с забавными карапузами и сорванцами постарше, а вечером, когда парк и мрачноватую улицу окутывают первые сумерки. Не замечал ли ты мальчишку лет десяти со светлыми волосами и голубыми глазами, в сером свитере и коричневых штанах, одиноко сидящего на скамейке напротив тринадцатого дома на углу Уппландсгатан и Тегнергатан? Вряд ли, ведь ты, читатель, наверняка, живёшь не в Стокгольме, а в Петербурге. А вот тысячи стокгольмцев

проходили мимо, глядя себе под ноги, предвкушая сытный ужин и тёплую квартиру.

Лишь один человек заметил одинокого мальчишку на скамейке, ощутил его пронзительное одиночество и тоску. Этот человек остро чувствовал переживания детей, их радости и печали, горечь непонимания, незаслуженные обиды и обидные замечания. И с того вечера, когда он, а точнее — она — увидела того мальчишку, в душе Астрид Линдгрэн (а это была именно она) стала рождаться повесть о мальчике, взятом чужими людьми из приюта и не встретившем в приёмной семье ни капли тепла.

Ты, конечно, понял, читатель, что я говорю о повести «Мию мой, Мию». Ведь ты грустил вместе с Бу Вильгельмом Ульсоном и радовался обрётённому им отцу-королю, ты с замиравшим сердцем следил за заключёнными принца Мию в стране Чужедальней.

Откуда у Астрид Линдгрэн это острое понимание детской души, это сопереживание радостям и печалям ребёнка?

Из её собственного детства? Или, быть может — из её взрослой жизни?

Астрид Эрикссон [Астрид по-латыни «звезда» — И.В.] родилась на Юге Швеции, в провинции Смоланд, неподалёку от маленького городка Виммербю. Городок был мал, да удал! На протяжении столетий недалеко от него проходила граница Дании, и только в XVII веке граница отодвинулась далеко на Юг. В XVI веке Виммербю чем-то прогневал короля Густава Васу и на несколько десятилетий лишился городского статуса. Была в Виммербю знаменитая бычья ярмарка, на которую съезжались издалека.

Семья Астрид была не бедной и не богатой. Отец Самуэль Август Эрикссон батрачил в хозяйстве родственников, пока его родители не смогли взять в аренду усадьбу Нас. Арендатор — не собственник земли, но у него большое хозяйство, батраки, служанка, а главное — есть земля, на которой он может трудиться с утра до вечера. Смоландские крестьяне были прижимистыми, терпеливыми и упрямыми, ведь скудная земля, требовала неимоверного труда, чтобы на ней что-то выросло. Самуэль Август даже получил диплом за то, что убрал со своих полей десять тысяч валунов и собрал 800 груд мелких камней. Тяжёлый труд воспитывал бережливость, и смоландские крестьяне со стороны могут пока-

заться скупыми, но это именно бережливость, стремление сохранить и чуть-чуть приумножить своё «состояние», чтобы передать его детям. Но не бережливостью и трудолюбием выделялась семья Астрид Линдгрэн. Отец писательницы Самуэль Август страстно и поэтично любил свою жену Хану, любил детей, и дети Эриксонов росли в удивительной атмосфере любви. На пороге своего семидесятилетия Астрид Линдгрэн написала книжку «Самуэль Август из Севедсторпа и Хана из Хульта», в которой рассказала о жизни родителей. «Да, у меня была такая мама! — писала она. — И такой отец! С таким верным любящим сердцем; с таким до самой смерти любящим сердцем!»

Читая письмо Самуэля Августа к невесте, поражаешься, где молодой крестьянин нашёл такие слова: «...Для идущего по жизни не быть любимым, не знать любви самому, не уметь любить — всё равно что брести по голой пустыне. Нет, мы с тобой будем любить друг друга всем сердцем, чтобы сделать

«Если ты спросишь меня, какой должна быть детская книга, я после долгого раздумья отвечу: она должна быть хорошей. Уверяю тебя, я долго думала об этом, но другого ответа не нахожу. Она должна быть х о р о ш е й...»

Из дневника Астрид Линдгрэн, май 1943 года

Написала «...несколько пустячных вещей и послала вначале в «Стокгольмстиднинг», где одну купили, а три другие вернули, затем в «Дагенс Нюхетер», откуда вернули два фельетона. На одной рукописи Стаффан Чернелд написал о причине возврата, записка начиналась словами: «Девочка писать умеет, двух мнений быть не может», — однако это, конечно, были слишком безумные и слишком нереальные сюжеты, ха-ха!»
[«Стокгольмстиднинг» и «Дагенс Нюхетер» — стоковые газеты]

«Всерьёз я стала писать совершенно случайно. Однажды вечером, в марте 1944 года, когда в Стокгольме был снегопад,

я шла по улице: на тротуаре возле парка Васа лежал свежий снег, а под ним оказался лёд. Я упала, сильно ушибла ногу и была вынуждена некоторое время лежать в кровати. Чтобы убить время, я взялась стенографировать весёлые истории о Пеппи... В мае 1944 года Карин должно было исполниться 10 лет, и тогда мне пришла в

голову мысль переписать начисто сказку о Пеппи и подарить рукопись матери в день рождения».

жизнь нашу как можно радостнее».

Астрид писала: «Счастливыми делали наше детство надёжность и свобода. Спокойно и надёжно нам было со своими родителями, которые так сильно любили друг друга. Они были всегда с нами, когда мы нуждались в них, но они не стесняли нас и позволяли спокойно и весело шататься вокруг, а какие прекрасные места для игр были в Нэсе нашего детства! <...>

В детстве нас никто не бранил. Мама не ругала нас, очевидно потому, что мы слушались её с первого слова. <...> Слушаться мы, без сомнения, были должны, но она не предъявляла нам массу ненужных и невозможных требований. Например, от нас не требовали, чтобы мы обязательно приходили вовремя к обеду; опоздаешь – возьми себе что-нибудь в кладовке. И никто за это не выговаривал нам. Я не помню также, чтобы она хоть раз упрекнула нас, когда мы приходили домой в порванной или запачканной одежде. Видно, она считала, что ребёнок имеет право измазаться, войдя в азарт во время игры. <...> На землях вокруг нас разыгрывалось всё, что могла выдумать наша фантазия, все сказки, все приключения, которые мы придумывали или о которых читали либо слышали. <...> Мы играли, играли и играли до того, что удивительно, как это мы не заигрались до смерти».

Эриксоны, как большинство шведских крестьян, были грамотными, и книги занимали в их жизни большое место. «И сейчас ещё я помню запах этих книг, и из всех запахов в мире этот был самый лучший. Он был полон предвкушения радости и ожидания». Уже в старости писательница вспоминала о том, как дочь пастуха, которая была старше Астрид, прочитала ей первую в её

... мы Самуэль Юн-
гай не любил
но мить
шкарнее, чем
хотели проч
хорошие
внеш

жизни книгу: «И эта самая Эдит – да благословит её Бог на вечные времена – прочла мне сказку о великане Бам-Бам и фее Вирибунде, приведя тем самым моё сердце

*...и Ханна
...м, считалось
...кофе, а они оба
...вести
...на друга
...ение...*

в такой трепет, который и до сих пор не утих».

Учёба давалась Астрид легко, её сочинения учителя часто читали вслух. Астрид Эриксон было

13 лет, когда её сочинение «Жизнь в нашей усадьбе» напечатали в городской газете. «После этого все несколько насмешливо стали называть меня «Сельмой Лагерлёф из Виммербю», и я тогда твердо решила, что уж писательницей, во всяком случае, ни за что не стану». Тем не менее, когда примерно через год после окончания школы ей предложили работу корректора и составление небольших репортажей в газете «Виммербю-тиддинг», Астрид согласилась.

Школу она закончила в 16 лет. В семнадцать, вопреки недовольству родителей, одной из первых в Виммербю сделала короткую стрижку. «Люди подходили ко мне на улице и просили меня снять шляпку, чтобы посмотреть на мою стрижку. И восхищались моей причёской...»

Беззаботная юность неожиданно для Астрид закончилась в 18 лет. Оказалось, что она ждёт ребёнка. Сейчас рождение ребёнка вне брака никого не удивляет и не вызывает осуждения. А сто лет назад женщина, родившая ребёнка без мужа, вызывала осуждение и пересуды. Чтобы не стать предметом сплетен всего городка и не сделать мишенью родителей, Астрид решила уехать в Стокгольм.

Она поселилась в частном пансионе и поступила на курсы стенографии и машинного письма. Никто не знал, какие переживания кипят в груди внешне беззаботной курсистки, пока она не встретила адвоката Эву Анден. Первая женщина-адвокат в Швеции, она юридически и житейски помогала женщинам, оказавшимся в сложной ситуации. Эва Анден отправила Астрид в Данию, в Копенгаген. Там была единственная в Скандинавии Государственная

(продолжение)

«Не то, чтобы я надеялась, что они захотят издать это в виде книги, но всё же! Я сама была потрясена проделками Пеппи и помню, что письмо в редакцию я закончила так: «В надежде, что вы

не поставите в известность Детский Попечительский Совет», — ведь у меня у самой двое детей, а каково им придётся с мамочкой, которая пишет такие книжки!»

больница, которая не передавала сведения о новорожденных в государственные организации. В декабре 1926 года девятнадцатилетняя Астрид родила сына – Ларса. Не имея возможности взять ребёнка с собою в Стокгольм, она на время оставила его в приёмной семье в Копенгагене. Потянулись годы разлуки с сыном. Астрид работала и со своей скудной зарплаты откладывала деньги на поездки к сыну. «Мой заработок составлял 150 крон в месяц. Тут уж не до жиру. Тем более было невозможно слишком часто ездить в Копенгаген, к чему я стремилась изо всех сил. Но иногда мне удавалось сэкономить, одолжить или взять под залог деньги на билет...»

В 1930 году Астрид привезла сына в Стокгольм. «Первое время Лассе [так Астрид называла своего сына – И.В.] жил со мной в комнатке пансиона. Хозяйка присматривала за ним днём, пока я была в конторе». В мае Астрид взяла отпуск и поехала с сыном в Виммербю. Это было счастливейшим временем для обоих, у Ларса оказались любящие дедушка с бабушкой, дядя и тётя. А мама целыми днями гуляла с ним. «Я показала Лассе всё в округе и научила его лазать по деревьям».

Неправда ли, не часто встречаются мамы, обучающие своих детей лазать по деревьям?

На год Астрид оставила сына у родителей. За это время она вышла замуж за Стуре Линдгрена, главу конторы, в которой работала. Вместе с мужем она переехала на улицу Вулканусгатан. Сюда Астрид и привезла сына. Теперь она работала дома и могла все свои силы отдавать сыну. «Моя мама была не из тех, кто сидит на скамейке в парке и смотрит, как играют её дети. Она хотела играть сама, и подозреваю, что ей было так же весело, как и мне!» – вспоминал позднее её сын.

В 1934 году у Астрид родилась дочь Карин. Девочка росла большой выдумщицей. Однажды, когда ей было семь лет, она забо-

лела воспалением лёгких. Лёжа в постели она попросила маму: «Расскажи мне о Пеппи Длинныйчулок!» И Астрид Линдгрэн села на край постели и стала рассказывать одну невероятную историю за другой. Ни мать, ни дочь тогда не подозревали, что с этого момента началась история одной из луч-

ших детских книжек XX века.

Это было зимой 1941 года. В Европе бушевала Вторая мировая война. Швеция в ней не участвовала, но Астрид очень остро воспринимала чужое несчастье. Приближение войны она ощутила раньше других шведов.

С конца 1930-х годов она работала в конторе юриста, среди клиентов которого было много тех, чьи родственники пострадали от фашистов. В 1940 году Астрид привлекли к службе в отделе перлюстрации писем контрразведки. Благодаря письмам, проходившим через её руки, она

знала о войне и понимала происходящее лучше многих шведов. С первых дней войны она стала вести дневник и до конца войны исписала двадцать две тетради.

Вот лишь несколько фрагментов из этих дневников.

2 сентября 1939:
«Если только это

будет новая мировая война, суд истории над Адольфом Гитлером будет ужасен».

Осень 1940: «Ларс принёс из школы список вещей, необходимых для возможной эвакуации, и сегодня я с фру Старки была в центральном универмаге и купила рюкзаки и нижнее бельё для наших мальчиков».

Октябрь 1940: «Когда читаешь о войне в газетах, с трудом веришь прочитанному, но когда письма рассказывают о том, что «двое детей Жака погибли при оккупации Люксембурга», война вдруг становится для тебя ужасающей реальностью».

Ноябрь 1940: «Просто не хочется больше жить! Сегодня русские бомбили Гельсингфорс и некоторые другие города Финляндии. Многие собирают одежду и деньги. Позавчера я поднялась на чердак и наскребла то, что могу отдать...»

Июнь 1941: «Национал-социализм и большевизм – словно два чудовищных дракона, которые сражаются друг с другом».

Август 1943: «... невыразимое отчаяние и боль, нанесённые войной, не вылечишь <...> мир не вернёт матерям их сыновей, детям – их родителей, малышам Гамбурга и Варшавы – жизни. Ненависть не исчезнет, как только придёт мир, и те, чьи родственники были замучены в концентрационных лагерях, не забудут этого только потому, что война прекратилась».

Ноябрь 1943 года: «... я не перестаю думать и о том, каково берлинцам перед грядущим Рождеством. На этой неделе началась тотальная бомбардировка Берлина. Уничтожается квартал за кварталом <...> Мне совсем не нравится, что англичане пытаются таким образом выиграть войну».

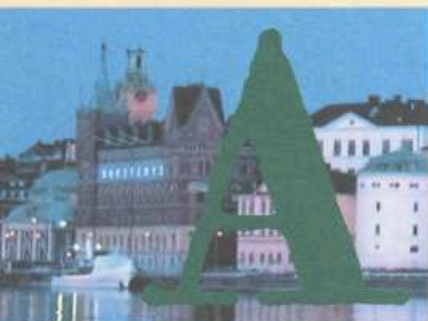
Но в Стокгольме жизнь текла своим чередом. В октябре 1941 года Линдгрены переехали в дом № 46 на улице Далагатан. Здесь Астрид прожила до конца своей жизни.

В 1944 году небольшое издательство «Рабен и Шагрен», едва

«... Как угадать, что выйдет из-под твоего пера? Если уподобить литератора, приступающего к работе над новым произведением, путнику, отправляющемуся по неизведанной дороге, можно сказать, что я, начиная этот путь, вижу лишь небольшую его часть: один-два поворота, пригорок, лесок, кусочек серебряного озера, а дальше дорога исчезает за холмами, и мне совершенно неизвестно, куда она меня заведёт... Рассказывать об этом легко, но в действительности, поверьте, рождение каждой книги – трудный, сложный процесс...»

«Действующие лица могут иногда делать то, что им вздумается, причём я не в силах вмешиваться. Так, например, я не думала, что Йонатан может погибнуть и оставить Сухарика одного в Долине Вишен. Но ничего поделать я не могла...»

«Только когда я начала ходить на прогулки с маленьким Лассе в парк Васа, я по-настоящему поняла, как взрослые всё время понукают детей и попирают их достоинство. Я заметила, что родители редко прислушиваются к детям, а всё «воспитание» заключается в том, чтобы ругать или даже бить их. Я возмутилась, и протест во мне лишь усилился, когда мои дети пошли в школу, а я познакомилась со школьными требованиями и администрацией».

сводившее концы концами, решило организовать конкурс произведений для детей. Астрид отправила на конкурс свою повесть о Брит Мари. А ещё раньше, в марте, она сломала ногу. Не умея сидеть без дела, она решила записать истории о Пеппи Длинныйчулок, чтобы подарить их Карин в её десятый день рождения. А когда книжка была готова, отправила второй экземпляр в издательство «Бонниерс».

Спустя много лет Герард Бонниерс вспоминал: «У меня у самого были тогда маленькие дети, и я ужаснулся, подумав, что будет, если они станут вести себя, как эта девочка. Сахарный песок на полу, бедлам в детской... Нет, я не мог взять на себя такой ответственности».

В том же месяце, когда пришёл отказ от «Бонниерс», издательство «Рабен и Шагрэн» присудило повести «Брит Мари изли-

вает душу» вторую премию и приняло её к печати. Спустя год то же издательство напечатало первую книжку из серии «Пеппи Длинныйчулок».

Первую повесть о Пеппи читатели и критики приняли восторженно. Но как набросились критики и учителя на вторую! Один профессор назвал повесть «отвратительной безвкусицей, от которой кошки скребут по сердцу». Град упреков посыпался на голову создательницы образа чересчур самостоятельной девочки, прекрасно обходившейся без замечаний учителей и родителей! Те же упреки достались писательнице после выхода книг о Карлсоне и Эмиле из Лённеберги. «...чопорные мамы упрекали меня: вы, Астрид, дурно влияете на детей, описываете каких-то неугомонных озорников, сорванцов, чуть не анархистов! Я отвечаю в таких случаях: все нор-

мальные дети – в той или иной мере озорники, а вы обратили бы внимание на другое: у моих озорников доброе сердце, они прямодушны и честны, они верные и надёжные друзья, которые в трудную минуту не растеряются, не повесят голову».

Добавлю от себя, что мне неоднократно доводилось слышать от шведских женщин, чьё детство пришлось на пятидесятые-шестидесятые годы, что Пеппи открыла им новый мир. Ведь до этого их воспитывали, как Анику: слабыми, кроткими, вежливыми, прилежными. Их учили, что девочки должны делать книксены и играть в куклы, а мальчишки – быть смелыми, лазать по деревьям, бегать и прыгать. Пеппи показала, что можно быть другими.

Сама Астрид и в старости лихо залезала на дерево и смело шла навстречу группе скинхедов, бросая в лицо ближайшему парню:

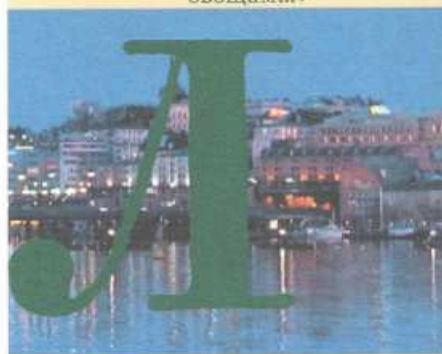
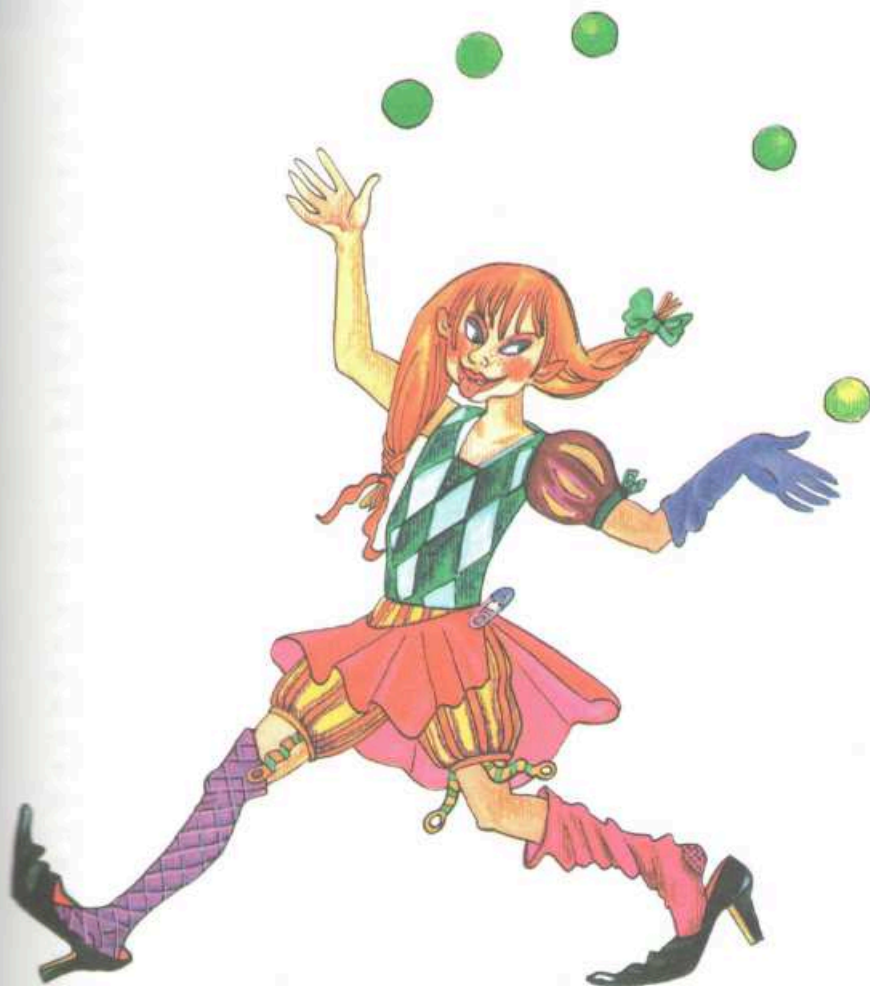
«Ну-ка, кончай скинхедить?» Изумила меня история о том, как в далёких сороковых годах XX века, оказавшись в США, Астрид Линдгрэн бросила вызов тогдашней расистской Америке. В стране, где негры жили отдельно от белых в жуткой нищете и бесправии, она отправилась в гости в одно из негритянских гетто. Её отказался возить таксист, её осудила полиция, но она прошла пешком через страшное гетто, чтобы побывать в доме у молодой негритянской матери.

Мне хотелось бы подробно остановиться на истории создания каждой книги писательницы, но в журнале для этого не хватит места. Расскажем здесь лишь о появлении Карлсона, который живёт на крыше (о некоторых других книгах читайте в заметках на полях страниц).

Однажды Карин вдруг попросила маму: «Расскажи про госпо-

Из статьи А. Линдгрэн, написанной от имени сына:

«У старших есть неприятная склонность сравнивать. Они охотно говорят о своём детстве. Насколько я понял, во всей истории человечества не найдётся таких одарённых и воспитанных детей, как те, которые жили во времена, когда мама и папа были маленькими. Действительно, детки тогда были миленькими. Им никогда не делали замечаний, по всем предметам у них были отличные оценки, они всегда сами чистили свою обувь и каждое утро застилали постель, они ежедневно мыли уши и шею холодной водой, любили здоровую и полезную пищу, отдавая предпочтение варёной рыбе и овощам...»

Из статьи А. Линдгрэн, написанной от имени сына: «... Одним словом, их детство – это длинная поучительная проповедь в воскресной школе. Наверняка именно о них думал поэт, когда писал: «Ребёнку прочат князя роль, но вырастет ли из него король?»

Если у меня когда-нибудь появятся дети, им, во всяком случае, не придётся слушать воскресных проповедей. Когда они с трясущимися коленками придут домой, получив от учителя замечание, я воскликну: «Да не убоитесь, дети мои! Чемпион Швеции по непослушанию – это всё ещё ваш папа!»

Улица Вулканусгатан. Слева дом № 12

Карлсон и Пеппи из музея Юнибакен

дина Лильонкваста. Только пусть он будет добрый дяденька и обязательно прилетает к детям, когда никого нет дома». И Астрид начала рассказ о господине Лильонквасте. Так родилась книжка про господина Лильонкваста, который уносит мальчика со сломанной ногой в страну, где тот может летать, собирать на деревьях леденцы, водить трамвай. А вскоре появляется сказка про Крошку Нильса Карлсона, который помещается в сахарнице и который тоже посещает мальчика, когда родителей нет дома. В пору детства Астрид в Виммербю жил сапожник по прозвищу «Карлсон, который живёт в Фатет». Соединив двух героев и забывшись ей с детства прозвище, Астрид Линдгрэн создала образ Карлсона.

Она писала: «Я увидела его, вернее, сперва услышала как-то ночью, когда мне не спалось. Не спалось, может быть, потому, что долго жужжало что-то за окном. А потом он влетел в комнату, сел на кровать и спросил, где найти Малыша. Я протерла глаза – нет, это не сон, на моей кровати в стокгольмской квартире сидел маленький толстенький человечек с пропеллером на спине и кнопкой на животе. «Кто ты? – спросила я. – Почему ты ко мне прилетел?» – «Я лучший в мире Карлсон, который живёт на

крыше, – ответил он, – а прилетел я к тебе потому, что ты написала книжку про Пеппи Длинныйчулок». Тогда я дала ему адрес Малыша. Не назову этот адрес, потому что это тайна... Скажу только, что в том доме я жила когда-то в молодости, и Карлсон с тех пор там и поселился. Всё это было именно так, и я готова в этом присягнуть – на книге о Пеппи».

Много лет писательница отказывалась назвать адрес дома Карлсона, пока одна из газет не объявила, что заплатит большие деньги тому, кто найдёт домик Карлсона на крыше и укажет его адрес. Это возмутило писательницу, которая поняла, что такое обращение подтолкнёт подростков к прогулкам на крышах города. И чтобы дети не полезли на крыши, она назвала адрес: Улица Вулканусгатан 12. Тот дом, где она прожила десять лет с 1931 по 1941 год. Со стороны площади Эриксплан этот дом и его крыша выглядят весьма живописно, хотя со стороны улицы в них не заметить ничего особенного.

Все шведы, с которыми мне приходилось общаться, отзывались об Астрид Линдгрэн с глубочайшим уважением. Рассказывали, что когда она шла по улице, казалось, что идёт королева, так встречали её и провожали взглядами. Ещё рассказывали, что её квартира находилась прямо над рестораном. И если поздно вечером там слишком шумели, она стучала в пол, и внизу почтительно замолкали.

Наверное, Астрид Линдгрэн – единственный в мире детский писатель, который, вмешавшись в политику, сверг правительство. Дело в том, что в 1970-х годах правительство Швеции ввело очень высокие налоги. Астрид Линдгрэн не испытывала материальных проблем, но из солидарности вышла на демонстрацию, а затем напечатала в газете «Экспрессен» сказку-памфлет «Помперипосса в Монисмании». Критика не понравилась министру финансов и, выступая в Риксдаге (Парламенте), он сказал: «Астрид

Линдгрэн следует писать свои сказки и не вмешиваться в дела, которых она не понимает».

Писательница парировала: «Считать он не умеет, но у него хорошо получается сочинять сказки, поэтому нам с ним следовало бы поменяться профессиями». Завязалась дискуссия, и на выборах 1976 года социал-демократическая партия, сорок лет продержавшаяся у власти, потерпела поражение. Вот каково было влияние детской писательницы!

И в семьдесят, и в восемьдесят лет Астрид продолжала отстаивать права детей, доказывая жестокость и бессмысленность для детей телесных наказаний, борясь со всем, с чем считала нужным бороться. В 1978 году ей присудили Премию Мира во Франкфурте. По правилам она должна была представить учредителям премии текст речи, с которой выступит на церемонии. Текст выступления поверг комиссию в изумление, и Астрид получила письмо с известием о том,

что ей надлежит только молча получить премию и поблагодарить «коротко и ясно». Писательница ответила, что тогда ей незачем и приезжать: «... Вместо меня мою премию может получить кто-то другой, кто и поблагодарит «коротко и ясно». Запахло скандалом, и учредители сдались.

Свою речь на церемонии Астрид посвятила протесту против насилия над детьми. Она напомнила слова из Ветхого Завета: «Пожалей розги своей, и ты испортишь сына» и продолжила: «И в это до сих пор свято верят многие отцы и матери. Они прилежно хлещут детей розгой, называя это любовью. Стоило бы разузнать, каково было детство тех действительно «испорченных сыновей», тех диктаторов, тиранов, притеснителей и мучителей, которых сейчас так много на земле. Я уверена, что за спиной почти каждого из них стоит отец-тиран или воспитатель с розгой или плеткой в руке».

Невозможно перечислить все премии и медали, полученные Астрид Линдгрэн, но всех их перевешивает принятый в Швеции через год после того выступления закон, запрещающий телесные наказания и другие виды насилия над детьми. Все их перевешивает любовь читателей в самых разных странах мира.

Дом 46 на улице Далагатан

Памятник Астрид Линдгрэн у музея Юнибакен

ЧТО СКАЗАЛА БЫ АСТРИД ЛИНДГРЕН?

«Когда я писала о Бритт Мари, я наделила её всеми качествами, которыми сама хотела обладать, когда была подростком. У Бритт Мари сильный характер, сама же я часто всего боялась и трусила.

Игорь ВОЕВОДСКИЙ,
главный редактор
журнала «АВТОБУС»

А

Никогда не забуду, как однажды на уроке труда одна из одноклассниц плохо отзывалась о Мадикен, которой не было в классе. Мадикен была моей лучшей подругой, но я промолчала. Тогда другая девочка сказала: «Нам, наверное, не следует ничего говорить, ведь здесь сидит её лучшая подруга!» Боже, как мне было стыдно, что я не осмелилась защитить Мадикен!»

Готовя статью об Астрид Линдгрен, я наткнулся на историю её путешествия в США в 1948 году. Писательницу направил в Америку журнал «Дамский мир», ожидая от неё лёгких рассказов о жизни в «великой Америке», казавшейся послевоенной Европой раем на земле. Но Астрид в заокеанском рае, среди прочего, увидела нищету и страдание негров. Америка 1940-х годов (и особенно южные штаты) была расистской страной, негры были слугами и жили в гетто, в которых белые никогда не бывали. Негры не посещали магазины, рестораны и театры для белых, а негритянские дети учились в школах для чёрных.

Астрид с этим не могла примириться. В серии очерков, которые

она позднее переработала в повесть «Кати в Америке», она в уста героини вложила рассказ о своих собственных приключениях. О них уже девяностолетняя писательница рассказала свой подруге – журналистке Маргарете Стрёмстедт.

В гостинице Нью-Орлеана Астрид стала расспрашивать чернокожую горничную Розу о её жизни. Это повергло горничную в шок. Но Астрид рассказала ей о собственных детях, и чернокожая горничная принесла писательнице фотографии своих детей. «Астрид поинтересовалась, можно ли ей прийти в гости к Розе и познакомиться с её детьми... Нет, это невозможно, ведь ещё ни разу ни один белый по собственному желанию не посещал кварталы бедных чернокожих. Это может быть опасно, на Астрид станут косо смотреть. Но Астрид... всё же упрашивает Розу, и они договариваются о визите». В книге описано, как это происходило. Шофёр с презрением отказался везти Астрид до места и посадил её у полицейского отделения, где ей также отказались помочь. «Мы не хотим перемешиваться с этими людьми». Переполюх в чёрном квартале, когда Астрид всё же добралась до него, любопытные взгляды, подозрительность, радость Розы, гордящейся своими детьми, ужасающая бедность, грязь, зловоние...

«В отель я шла пешком – сколько могла. Я шла через самые нищие негритянские кварталы, до тех пор, пока не натёрла ногу. Было больно, но ещё больнее было у меня на душе <...> Я всё шла и шла, бормоча мелкие, но пыльные проклятия. Мелкие пыльные проклятия своей расе.

В конце концов я остановила такси. Шофёр сказал, что хорош тот негр, который лежит на глубине пяти футов под землёй. Тогда я вышла из такси и, хромя, заковыляла в отель».

За год до Астрид Америку посетила маститая шведская журналистка. Она издала объёмистую книгу о жизни в этой стране.

Композиция в музее Виммербю

Но уже в предисловии предупредила, что не будет затрагивать «сложную тему» положения негров в США. Астрид Линдгрен не только остро ощутила страдания чернокожей Америки, несправедливость этого положения, но и недвусмысленно высказала своё мнение в серии рассказов и в повести «Кати в Америке».

Вот размышления Кати, проезжающей в поезде мимо очередного негритянского гетто: «О чём ты думаешь, старая усталая негритянка, когда сидишь, раскачиваясь в кресле-качалке у себя на веранде? Я вижу тебя лишь одно мгновение, когда поезд пролетает мимо, я никогда не узнаю, как ты справляешься, живя в такой беспредельной нищете. Но твой образ навсегда запечатлется в сетчатке моих глаз. Такая, какая ты сидишь, печально глядя на опускающиеся сумерки, именно в этой позе – ты стала для меня олицетворением всей твоей несчастной измученной расы».

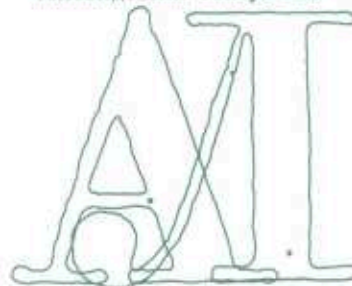
Но не только с заграничной несправедливостью борется писательница. В 1996 году в возрасте 89 лет Астрид встаёт на защиту двух семей курдских беженцев из Турции, которых правительство Швеции выслало на родину. Вступив в дискуссию, Астрид затем помогает 19-летней Ройде Синкари вернуться в Швецию, поступить в университет и получить стипендию.

Читая об этом, невольно задаю себе вопрос: что сказала бы великая писательница, узнав о судьбе Надежды Кубайлат (см. «АВТОБУС» № 2, 2007) или прочтя письма первокурсницы Алёны Ивановой, которые вы прочтёте на страницах 41-44?..

«Мы живём в беспокойном тревожном мире, – я, как мать, часто думаю, что ждёт миллионы тех, у колыбели которых стоят сейчас их родители. Дети – наше будущее, воплощение наших надежд. И долг нас, взрослых – защитить их будущее, обеспечить им мир, свободный от страха и ненависти».

О работе над повестью «Братья Львиное сердце»:

«Когда я писала «Мю, мой Мю!», моё представление о мире было более светлым, или мы просто меньше знали о нём, ведь это было ещё до эпохи телевидения. Теперь мы

знаем, что зло связано не только с Гитлером и нацизмом, что на всём земном шаре есть люди, использующие во зло свою власть. Есть и палачи по профессии, которые истязают других с девяти утра до пяти вечера, а потом идут домой, обедают и играют со своими детьми, не отдавая себе отчёта в том, какие чёрные дела они творят. А воспоминания Гесса, бывшего коменданта концентрационного лагеря в Освенциме! Это – страшная книга, которую вообще больше всего хочется забыть. И самое ужасное то, что Гесс, погубивший в газовых камерах и замучивший многие сотни тысяч людей, даже не понимал, что совершает преступление... Именно обо этом извечном зле, которое существует и поныне, я пишу в своей книге».

МОСКОВСКИЙ ЦИРК

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

Наш пароход стоял в южном порту.

Был июнь. Было жарко и скучно.

— Знаете что? Пойдёмте в цирк! — предложил мне помощник капитана. — Ручаюсь, в таком вы ещё не были. Не забудьте захватить фотоаппарат.

Я взял фотоаппарат, и мы с ним двинулись в путь.

Когда пришли, я очень удивился: что это за цирк? Крыши нет, места под открытым небом. Посредине вместо манежа круглый бассейн. В нём вода.

Посмотрел я на воду и подумал: а как же будут падать клоуны? Ведь в цирках они всегда падают. Неужто в воду? Ну для чего это нужно!

Я даже слегка расстроился.

Заиграла музыка, и представление началось.

Из небольшого канала в бассейне въехал плотик. На нём стояла девочка в белом платье и сидела собака. Ремни от плотика шли прямо в воду. В упряжке неторопливо плыл дельфин.

Вот так раз!

Я обрадовался, что попал в такой морской цирк. Девочка на плоту сделала круг вдоль стенки бассейна, и дельфин увез её назад в канал.

Потом стали выступать акробаты. Два дельфина-белобочки. Они по команде выпрыгивали из

воды и летели по воздуху, как связанные верёвочкой. «Оп! Оп!» Над водой опустили кольцо, и дельфины начали прыгать через него.

Затем над бассейном наклонили доску. На конце её стал человек. В руках у него была миска с рыбой. Дельфины выскакивали из воды и брали рыбу у человека прямо из рук.

Я не выдержал и захолопал.

— Артисты, — сказал помощник капитана. — Ещё клоуна бы сюда!

Между тем бассейн приготовили для игры. Я сразу угадал какой. По краям поставили щиты с кольцами. Под каждым кольцом веревочная корзина. Баскетбол.

Две команды — животные в красных и животные в синих шапочках — приготовились. Судья свистнул в свисток и бросил на середину бассейна белый мяч.

Первый же дельфин подцепил носом мяч да как швырнёт его! Мяч подхватил второй... третий... Мяч закрутился и подплыл под щит. Тогда дельфин в красной шапочке цап его, подскочил вверх и прямо в кольцо — гол!

Брызги летели на публику дождём.

— Шайбу! — крикнул я.

И тут я увидел, что к краю бассейна подбирается человек в тёмном костюме и в шляпе. В такую-то жару!

Человек подошел к краю бассейна и стал делать вид, что он очень увлечён игрой. Он наклонился над краем, наклонился и наконец — бултых! — полетел в воду.

Клоун! Я сразу понял, что это клоун. Подставное лицо.

Мне стало не по себе. Я встал, чтобы уйти. Но прежде решил сфотографировать на память дельфинов.

Подошёл к самой воде.

Дельфины носились, как торпеды. Белый мяч с плеском скакал по коротким волнам. Бросок — и он опять в корзине.

Видно, мой аппарат был плохо привинчен к футляру. Когда я наклонился вперёд и начал прицеливаться, я почувствовал, что футляр пуст.

Я не видел, долетел мой аппарат до воды или нет. Я видел только, как подо мной метнулось чёрно-жёлтое тело и замерло. Бурля хвостом, у стенки бассейна стоял, наполовину высунувшись из воды, дельфин-афалина. В пасти он держал мой аппарат. Ему было трудно стоять, и он всё время косил в мою сторону блестящим добрым глазом.

Я протянул руку и взял аппарат. В публике захолопали. Должно быть, меня приняли тоже за подставное лицо. За клоуна.

Но я не ушёл.

Я вернулся на место и сидел до конца этого удивительного представления.

Подбитая чайка

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

Мы с приятелем шли по берегу моря. Вдруг видим: впереди на гальке сидит крупная серая птица. Она сидела, тесно прижимаясь к камням и втянув голову в плечи, как человек, которому холодно. Увидя нас, птица привстала.

— Глянь-ка, подранок! — сказал мой приятель. — Давай поймем?

Птица — это была чайка-моекка — сделала несколько неуклюжих прыжков и с размаху тяжело плюхнулась в воду. Я заметил, что, когда она прыгала, крыло её волочилось отдельно, сзади, как будто привязанное на веревочке.

Чайка поплыла от берега. Она плыла, а серый лоскут крыла тянулся позади неё.

— Здорово ей саданули! — сказал приятель. — А ведь охота здесь запрещена!

Я промолчал. Чайка выплыла на солнечную дорожку и закачалась на ней изогнутой чёрной лодочкой.

Мы ушли. Мы вернулись в избушку к рыбакам-ненцам, у которых остановились на день-два.

— Чайка? С перебитым крылом? — переспросил меня Гриша Ардеев, один из рыбаков. — С весны ходит. Приезжий один ранил. Как человек или песец идут — она в воду. Касатка плывет — она на берег. Лето выживет.

— А зимой?

Гриша не ответил.

На другой день мы отправились ловить чайку. Мы решили забрать её с собой в Ленинград. Я пошёл по берегу, а приятель, взяв у рыбаков лодку-карбас, поплыл следом.

Чайка была на месте. Только на этот раз она не сидела в камнях, а бродила у воды и выклевывала из прелых водорослей рачков. Заметив меня, она сошла в воду и, когда слышался скрип уключин, попробовала нырнуть. Сухое крыло, как поплавок, удержало её. Тогда птица повернула и снова очутилась на берегу.

Скользя по круглым, обкатанным водою камням, я поспешил к ней. Чайка завертела головой и тяжело побежала к подножию обрыва, который поднимался над галечным пляжем.

Крутая стена сырой глины шла вверх ровно, без уступов, и только кое-где из неё торчали кривые корни мёртвых деревьев.

Чайка стала карабкаться вверх. Я полез следом. Лез, лез. Как вдруг сырая глина подалась — оставляя за собой две блестящие канавки, я съехал вниз.

О берег стукнул носом карбас. Я повернулся к приятелю.

— Знаешь что? — сказал я ему. — Оставим её здесь. Как её везти, как кормить? Рыбы не напасёшься.

— Давай хотя бы поймаем её и отрежем сухое крыло. Всё ей легче будет.

— Давай.

Чайка сидела высоко под сухим чёрным корневищем и смотрела на нас красным раненым глазом.

Мы полезли вдвоём.

Я уже протянул руку, чтобы взять её, как вдруг чайка с криком вывалилась из укрытия и, ударяя живым крылом по глине, покатилась вниз.

Она дождалась, когда мы слезем, и снова вскарабкалась на обрыв. Ей было очень трудно: испачканное глиной крыло отяжелело, но птица упорно волочила его.

— Полезем ещё? — спросил я.

— Не поймать её нам! — сказал приятель. Чайный глаз, как огонёк, горел вверх.

Распластав одно крыло, тесно прижимаясь грудью к земле, птица внимательно смотрела на нас.

— Разве ты не видишь? — сказал я. — Она лучше умрёт, но не пойдет к нам в руки.

Мы стояли задржав головы и смотрели на чайку. Ещё недавно это была прекрасная большая птица. Таких больших чаек я не видел нигде. Ей, наверное, ничего не стоило добывать большую рыбу и улетать каждую зиму в далёкие теплые края.

Потом мы сели в карбас и медленно поплыли вдоль берега.

Был август — конец короткого полярного лета. Дело было на побережье Баренцева моря. Зима здесь наступает в октябре.

КАПИТАН КОЦЕБУ, СЫН ДРАМАТУРГА

ОЛЬГА ФЁДОРОВА,
сотрудник Центральной
военно-морской
библиотеки

Драматург из немецкого рода, известного с XV века, Август Фридрих Фердинанд Коцебу (1761-1819) в 1781 году приехал в Россию, получил дворянство, стал чиновником и прожил в России до 1803 года. Он был очень плодовитым писателем, писал стихи, романы, но как драматург получил наибольшую известность. Его сентиментальные драмы ставились в немецких и русских театрах более полувека, и хотя позднее их презрительно называли «коцебутиной», они были так популярны, что каталог А.Ф. Смирдина за 1829 год включал 130 пьес Коцебу. В 1800 году Коцебу неожиданно арестовали по повелению Павла I и сослали в Сибирь, но император случайно увидел его пьесу «Лейб-кучер Петра III», вернул сосланного автора и, пожаловав ему имение в Лифляндии, назначил директором только что образованной немецкой императорской труппы в Петербурге. В 1803 году Коцебу, вторично овдовев, женился на Вильгельмине Крузенштерн, кузине И.Ф. Крузенштерна. Император Александр I назначил Коцебу генеральным русским консулом в Кёнигсберге и поручил доносить о революционных настроениях в Германии. Но Коцебу был не только тайным агентом русского правительства, но и агентом Священного союза. Как русского шпиона и врага свободы, его 23 марта 1819 года заколол кинжалом студент Карл Занд.

У Августа Коцебу было 12 сыновей, из них Мориц, участник войны 1812 года, стал генералом и сенатором; Вильгельм стал посланником России в Германии, Павел – новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, членом Государственного Совета; Александр – одним из лучших русских художников-баталистов.

Самый известный из сыновей Августа Коцебу и его первой жены, Фредерики фон Эссен (1763-1790) – Отто (1788-1846) – учился в Морском Кадетском корпусе. В 1803 году капитан Крузенштерн, связанный с Августом Коцебу и родством, и искренней дружбой, по его просьбе взял в кругосветное плавание на «Надежде» кадетов Морица и Отто (14 и 15 лет). Первая русская «кругосветка» позволила братьям Коцебу освоить морскую службу и участвовать в научных исследованиях. Правда, Отто и Мориц вели себя не лучшим образом, ссорились и досаждали команде. Лейтенант Е.Е. Левенштерн записывал в своём дневнике: «Оба Коцебу бесцельно шатаются по кораблю... живут как кошка с собакой». Однако в конце плавания Крузенштерн отмечал, что Отто «положил весьма хорошее основание к познаниям по той службе, которой решил себя посвятить». По возвращении Отто был произведён в мичманы. В 1815 году, когда меценат граф Н.П. Румянцев снаряжал исследовательскую экспедицию для поиска северного прохода между Тихим и Атлантическим океаном, Крузенштерн рекомендовал лейтенанта Отто Коцебу в её начальники, заказал навигационные инструменты, книги и составил подробные инструкции. В рацион команды он впервые включил изобретённые англичанином Донкином консервы в жестянках, где «мясо бывает ещё лучше, нежели свежее» (так писал Крузенштерн).

Вместе с матросами Коцебу совершил зимой тяжёлый пеший переход с обозом из Ревеля в Або, где строился двухмачтовый, водоизмещением 180 тонн, бриг «Рюрик», самое маленькое судно, совершавшее когда-либо кругосветку.

В Тихом океане Коцебу открыл группы необитаемых островов, дав им имена Румянцева, Спиридова, Рюрика, Крузенштерна, Кутузова и Суворова.

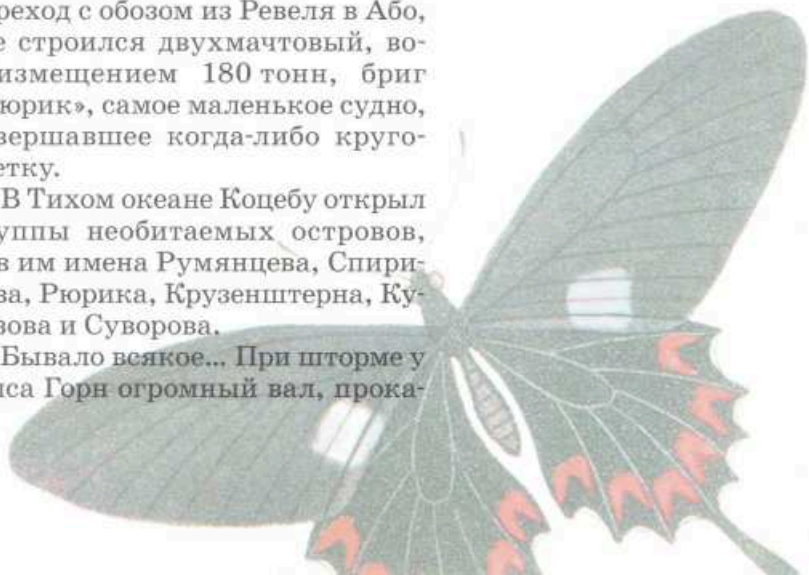
Бывало всякое... При шторме у мыса Горн огромный вал, прока-

*Камеамеа,
король Гавайских островов*

Жители залива Коцебу

Житель острова Ралик

Бабочка Рюрикия махаон

тившийся через палубу, едва не смыл Коцебу в море. На подходе к Камчатке путешественников встретил новый шторм, а потом такой мороз, что все паруса, рангоут и такелаж покрылись коркой льда. В Петропавловске-Камчатском Коцебу обшил подводную часть своего брига медью, оставшейся от шлюпа В.М. Головина «Диана», чтобы уберечься от давления льдов.

Одно за другим следовали открытия. Открытый в Беринговом проливе остров получил имя Ратманова, на американском берегу был открыт залив, названный именем Коцебу (отца мореплавателя). Дойдя до $67^{\circ}30'$ сев. широты и не найдя северного прохода вокруг Америки, Отто вернулся на Уналашку (возле Петропавловска). Оттуда зимой Коцебу отправился в Сан-Франциско, а потом на Гавайские острова. На островах правил вождь-реформатор Камеамеа — «гавайский Пётр I», строивший собственный флот европейского типа. Гавайцы встретили «Рюрик» настороженно, но когда Коцебу представился «королю», когда оба узнали друг друга, то отношения их стали самыми тёплыми. Вождь послал в дар российскому императору плащ из красных перьев.

Покинув Гавайи, «Рюрик» вновь побывал на Маршалловых островах. Там 13 апреля 1817 года бриг едва не погиб во время сильнейшего шторма, командира сбила с ног огромная волна, ударив его грудью об острый угол надстройки. Это не прошло бесследно: когда после ремонта в Уналашке корабль направился к северу и вошёл в холодные области, Отто почувствовал в груди сильную боль; затем последовали обмороки. Но путешествие продолжалось. Идя к Гавайям, Коцебу открыл группу островов (острова Гейдена) и описал их обитателей, ещё не встречавшихся с европейцами, заходил на Марианские острова и Филиппины.

Наконец 3 августа 1818 года корабль вернулся в Петербург и встал на якорь на Неве. Целых пять лет Отто провёл на берегу.

За это время изменилось его семейное положение — он женился на уроженке Ревеля (ныне Таллинн) — Амалии Цвейг.

В 1823 году Коцебу на шлюпе «Предприятие» собирался идти в новое плавание в Тихом океане, но получил приказ доставить на Камчатку грузы и остаться у берегов Русской Америки для борьбы с контрабандистами. По дороге, в Полинезии, Коцебу, открыв ещё один обитаемый остров в группе Туамоту, назвал его в честь своего корабля Предприятием. 8 июня 1824 года корабль прибыл в Петропавловск-Камчатский, Коцебу сдал грузы и пошёл в Ново-Архангельск на смену фрегату «Крейсер». Осенью Коцебу отправился в Сан-Франциско за провизией, а затем снова на Гавайи. Там он в течение полугода вёл научные наблюдения, затем вернулся в Ново-Архангельск, где пять месяцев охранял русские поселения.

До возвращения 10 июля 1826 года в Кронштадт шлюп успел побывать в Гонолулу, около Маршалловых островов, возле которых Коцебу открыл ещё несколько новых островов, ремонтировался в Маниле, а потом путь на родину лежал через Индийский океан. За это путешествие Коцебу был произведён в капитаны 2 ранга. Он хотел плавать и дальше. Но тяжёлая травма груди всё чаще напоминала о себе. В 1830 году Коцебу пришлось оставить службу. Он ушёл в отставку в чине капитана 1 ранга.

Последние 16 лет жизни он провёл в своём имении близ Ревеля, увлёкся сельским хозяйством и стал образцовым помещиком. Похоронен Отто Коцебу на фамильном кладбище в местечке Коце, близ излучины реки Пирита. На его могиле установлен чёрный мраморный крест.

Когда в 1895 году Петербурге строился броненосный крейсер «Рюрик», в 60 раз больше прежнего шлюпа, адмирал С.О. Макаров писал: «...Надо радоваться, если каждый капитан привезёт даже в 60 раз меньше открытий, чем Коцебу».

« мелочи ЖИЗНИ »

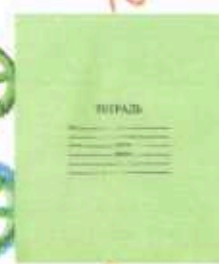
АЛЕНА ИВАНОВА
студентка СПбГУ

Когда я училась в школе, в нашем классе был мальчик, азербайджанец по национальности. Агшин его звали, он был из приличной семьи, участвовал во всех школьных мероприятиях, выступал на школьной сцене и всегда (в отличие от наших русских мальчишек-одноклассников) был одет в аккуратный костюм, выглаженную рубашку с галстуком и носил с собой чистую сменную обувь. Он не был ботаником, но старался выполнять не только домашние задания, но даже занимался дополнительно – дабы не отстать от своих одноклассников. Ученики же, несмотря на то, что Агшин старался быть вежливым человеком и хорошим другом, часто прикалывались над ним, задевали его физически и морально. Они часто, когда он отвечал заданный урок, тыкали его карандашом в спину, заставляя его вскрикивать от неожиданности. Или же прятали вещи, пока он был в столовой, а затем забавлялись над тем, как он мечется по классу в поисках своего пенала и тетрадок. Кроме того, ребята

ради смеха звали его не Агшин, а Ахмед или Али-Баба, а иногда даже говорили: «Эй, чучхела (лаваш, хачапури, пашлых, шаверма), подай мне, пожалуйста, то-то и то-то...» Лично мне, как человеку, не признающему ни гендерные, ни расовые неравенства, было очень неприятно это слышать, и я часто даже заступалась за Агшина, говоря ребятам, что это неправильно с их стороны – прикалываться над сверстником только из-за того, что у него есть какой-то акцент при разговоре, или его оттенок кожи чуть темнее, чем у них.

Как ни странно, многие учителя также не только не поддерживали стремления мальчика учиться и быть хорошим учеником, но даже иногда, вместо того, чтобы помочь, принижали его. Это выражалось по-разному. Например, если вдруг находили шпаргалку у него и ещё у какого-нибудь ученика, то именно Агшину начинали высказывать, мол, что он неуч, лоботряс, не готовится к урокам, не думает ни о

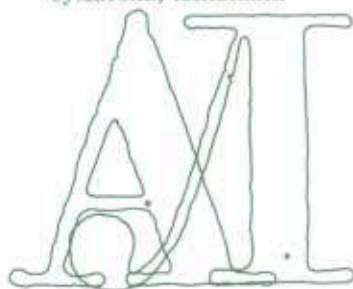

О работе над повестью
«Братья Львиное сердце»:

«Я ехала в поезде
из Торсбю вдоль озера
Фрюкен, за окном было
фантастическое утро:
розовые лучи солнца
падали на снег, вокруг
царила неземная красота
— и у меня возникло
чувство, будто я увидела
рассвет человечества,
и чувство это было
настолько сильным,
что по спине побежали
мурашки. В то же
время я ощутила, как
будто внутри меня
зажёгся какой-то огонёк.
«Пожалуй из этого
что-нибудь выйдет»,
— подумала я».

«Я шла по кладбищу в
Виммербю и прочла на
одном надгробии: «Здесь
покоятся поворождённые
братья Фален, умершие в
1860 году». И я поняла,
что сочиню сказку о
двух братьях и смерти...»

«Это случилось, когда
мы отбирали мальчика
на роль Эмilia для
съёмки фильма.
Вокруг маленького
Янне Ульсона царила
суматоха, мелькали

вспышки фотоаппаратов.
Когда всё закончилось,
Янне соскочил со
стула и примостился
на колени к старшему
брату. Он прижался
к нему, и брат тоже
обнял его и поцеловал
в щёку. Тогда я поняла,
что передо мной братья
Львиное Сердце».

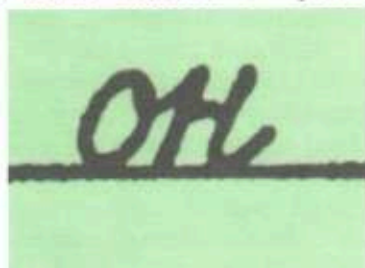
«Я — это сочетание
качеств, которые
на самом деле не
сочетаются друг с
другом...»

чём... В общем, обвиняли его во
всех грехах, в то время как его
товарищу по несчастью не гово-
рили ни слова! Что уж рассказы-
вать о том, что происходило, если
он вдруг поспорит с каким-ни-
будь учителем (ведь у многих та-
кое бывает). Учитель, забывая все
рамки приличия, ставил ему в
укор не только лень и безответс-
твенность (которой, по правде, у
него было куда меньше, чем у ос-
тальных ребят!), но и его проис-

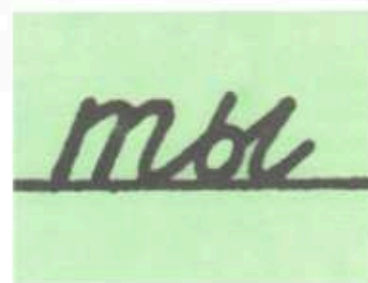
хождение, его религию, его расо-
вое отличие. «Может, это у вас на
Родине так принято спорить со
старшими и не соглашаться с
оценками?..» — слышалось от на-
ших учителей в адрес мальчика.

Мне в память врезался один
случай... Прошло уже много лет,
это было классе в третьем...

Однажды после урока Агшин по-
дошёл к учительнице и сказал,
что хочет пойти... «на столовую»
(тогда нам разрешали ходить
только по нашему второму этажу,
чтобы мы не мешали старшеklas-
сникам; и просили всегда отчи-
тываться, если мы куда-то идём).
Конечно, Агшин имел ввиду, что
ему нужно В СТОЛОВУЮ, но так
как он ещё не очень хорошо вла-
дел русским языком, он иногда

путался в предлогах. Так что вы
думаете? Вместо того, чтобы
просто исправить ошибку учени-
ка, наша классная руководитель-
ница велела, чтобы он выучил к

завтрашнему дню все предлоги, а
пока она не будет с ним разгова-
ривать!..

Так что же тогда? Как же
должны относиться к человеку
другой национальности сверстни-

ки, если даже наши «образцы
для подражания» — учителя —
позволяют себе унижать человека
в присутствии других, равных
ему людей? И как можно считать
после этого взрослых эталонами
честности и справедливости, если
они противоречат сами себе — сна-
чала учат нас толерантности и
взаимоуважению, а потом рушат
все наши представления о пре-
красном, честном и благородном!
По моему мнению, если бы взрос-
лые люди не относились с халат-
ностью к таким вопросам, как
терпимость и доброта, то вопросы
о воспитании и взаимоуважении
не приходилось бы поднимать так
часто, как теперь. Или же вы ска-
жете, что всё это мелочи жизни?
Так ведь жизнь как раз и состоит

Пиши буквы правильно!
Желаем успехов!

НАСТЫРНЫЕ ПОПРОШАЙКИ

АЛЕНА ИВАНОВА
студентка СПбГУ

Эту статью Алёны мы помещаем рядом с первой, чтобы узнать ваше мнение по этому вопросу. Из первой статьи ясно, что она понимает важность толерантного отношения к людям разных национальностей, но жизненная ситуация ставит перед ней (да и перед всеми нами) трудноразрешимые вопросы.

Нет, я, конечно, ничего не имею против того, что в нашем городе очень много «нерусских». Ведь наша страна такая большая, многогранная, многонациональная. А я по натуре – человек незлобивый, даже, я бы сказала, филантроп... Но одно дело, когда ты видишь работающего азербайджанца, который старательно убирает, ремонтирует, помогает городу и людям, проживающим в нём, а другое – когда тебе буквально мешают жить! Нас учат помогать друг другу, прививают нам заповеди Моисея «не укради» и «возлюби ближнего своего». Но пройдясь по улицам современного Санкт-Петербурга, задаёшь себе вопрос: а так ли всё это?

На станции метро «Горьковская», недалеко от мечети, почти каждый день можно увидеть такую картину: рядом с застеклёнными рекламными плакатами, прямо на асфальте, сидят мамы-азербайджанки, а в нескольких метрах от них бегают маленькие дети-попрошайки, рваненькие и грязные. Впечатление не из приятных... Дети цепляются за одежду, за сумки, хватают за руки и не отпускают до тех пор, пока им не дашь денег. После этого, отбежав на несколько шагов, они снова налетают и всё начинается за-

ново... Они падают на колени, хватают за ноги прохожего и, лопоча что-то на своём языке, тянут руки к карманам и вещам. Обтирая своей грязью одежду, они пытаются что-нибудь отнять у прохожих, внушая всем отвращение и тихий ужас. Я не раз являлась свидетелем того, как эти попрошайки выхватывали из рук проходивших мимо людей еду и напитки – просто, без лишних слов забирают то, что им совсем не принадлежит!

Однажды, когда я шла мимо них, вдруг одна из маленьких девочек-азербайджанок упала коленями на асфальт и будто прилипла к ноге моей подруги. «Дай, дай монетку!!» – на ломаном русском лопотал ребёнок. Мы испугались от неожиданности. Мы, между прочим, опаздывали на занятия... Попытка оторвать ребёнка оказалась обречённой на провал – видно, девочка уже наловчилась налетать на прохожих со своей железной хваткой. «Держи!» – сказала моя подруга и сунула в грязную ручонку деньги... Не успели мы сделать и двух шагов, как эта же девочка снова накинута на нас. «Дай, дай!!» – дёргал за сумку ребёнок.

В конце концов, взяв с попрошайки обещание отпустить нас, мы раскошелились ещё немного. «Бить их надо! Достали уже, черти! – услышали мы за своей спиной мужской голос. – Сейчас милицию вызову!..» При упоминании о милиции попрошаек и след простыл...

Так что тогда получается? Почему мы должны постоянно прибегать к угрозам и грубости?

Главный редактор

Игорь Воеводский

Над журналом работали:

Юрий Кружнов

Аркадий Векслер

Обложка

Юрий Чигирёв

Оформление

Елена Эргардт, Николай Баранов

Корректор

Анна Комлева

Иллюстрации

стр. 22, 24-25, 28-29, 34-37, 41-44

Елена Эргардт

Фотографии

стр. 12-13, 20-21, 26-33

Игорь Воеводский

стр. 14-16 Владимир Сорин и

Игорь Воеводский

стр. 20, 22-25, 38 Николай Баранов

Отдел рекламы и

распространения

Халида Желнова

Журнал для детей

среднего школьного возраста

от 11 до 14 лет включительно.

Выходит один раз в два месяца.

Адрес редакции:

191186, Санкт-Петербург,

Невский пр., 44, бизнес-центр,

офис 4

Телефоны:

710-59-42, 710-59-54

e-mail: avtobus@eclectica.spb.ru

Зарегистрировано

Северо-Западным

Региональным управлением

Комитета Российской

Федерации по Печати

(г. Санкт-Петербург)

Per. № П 1565 от 4 декабря

1998 года

Подписано к печати 10.08.2007

Тираж 3 000 экз.

Отпечатано в типографии

ВЗЛЁТ

Заказ № 6887

С.-Петербург, Взлётная ул., 11,

корп. 2, лит. А.

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Подписной индекс 83042

Приобрести журналы

в С.-Петербурге можно

в киосках

«Союза издателей и

распространителей»,

ООО «Пресса», «Роспечати»

и «Метропресс», «Нева-пресс»,

в киоске Центра «ЭКЛЕКТИКА»

в кассовом зале станции метро

«Невский проспект»

ежедневно с 8.00 до 20.00

Предыдущие номера можно

приобрести в редакции

И неужели мы должны платить кому-то за то, чтобы пройти по этой дороге? С какой стати мы должны упрашивать малолетних лентяев пропустить, не трогать и не пугать нас? Какие тогда могут возникать вопросы о толерантности и уважении к другой национальности? Лично у меня после таких случаев напрочь стирается заложенное ещё в школе понятие о терпимости и терпении... А эту дорогу, на которой сидят попрошайки, мы теперь стараемся обходить – пускай, так будет дольше, но зато надёжнее – и вещи не испачкают, и деньги целее будут.

Отметим сразу, что в статье есть явные ошибки, например, автор почему-то считает нищих у станции метро азербайджанцами, хотя речь, вероятнее всего, идёт о цыганах, заполняющих наш город летом. Потом, она называет маленьких попрошаек лентяями, а ведь это, с позволения сказать, «ремесло» совсем не из лёгких. И не должен ребёнок пяти-десяти лет работать.

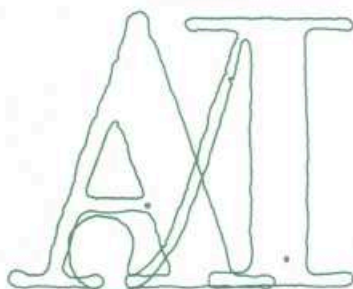
Но серьёзный комментарий в следующих номерах, а пока ждём ваших писем с размышлениями об этой ситуации и о том, как ответить на вопросы Алёны.

«Хорошая книга должна быть похожа на щуку. Острый любопытный нос, съедобное тело и хлесткий хвост...»

«А теперь прочтём слева направо, как мы читаем книгу», – попросил как-то глазной врач. «Я так не читаю, – ответила восьмидесятилетняя Астрид. – Я всегда читаю наоборот, справа налево».

«Привыкнув черпать радость и печаль из книг, мы уже не могли без них обходиться. Как было бы ужасно, если бы бессмертное наследие человечества осталось только на видеокассетах, в телефильмах и прочих подобных средствах информации!

Я не хочу, чтобы между мной и писателем

появился голос постороннего человека. Теми словами, которые были написаны в одиночестве, я хочу наслаждаться в одиночестве и в таком темпе, как мне удобно. Иногда мне хочется проглотить книгу без передышки, а иногда отведать понемногу из разных книг, подобно козлёнку, который щиплет листву с разных кустов, чтобы понять, какие они на вкус».

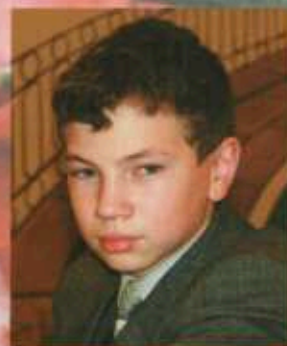

Редакция газеты «РИТМ»

размышляет над
письмами Алёны
Ивановой.

Их отклики читай-
те в 6-м номере.

Лидия Аюпова
Кристина Дмитриева
Екатерина Шарова
Полина Огородникова

Володя Бахтин
Елена Алексеева
Денис Полищук

Итак, мы и Тенер
это онъ драгъ
для здѣшнихъ
людей, [а само
нѣ] то же для
Правящихъ
Надъ нами
Противъ насъ
свѣтъ про свѣтъ

Изъ Три свѣда въ 14
Августа 1412

Рез